

Артефакторша

Я и баб(к)а, я и маг

Антонина Циль
Дарья Гусина

Дарья Гусина

**Артефакторша 1.
Я и баб(к)а, я и маг**

«Автор»

2026

Гусина Д.

Артефакторша 1. Я и баб(к)а, я и маг / Д. Гусина — «Автор», 2026

Жила-была старушка. Преподаватель вуза на пенсии, интеллигентнейшая женщина, умная, стойкая к невзгодам. Жила и... попала. Просто нужно было осознавать свои желания и не разбрасываться родовыми проклятиями. Тогда я не оказалась бы где-то в другом мире, где артефакты испускают магию, а незнакомая девочка называет меня тетей. И временно придется жить в громоздком неуютном теле, пока я его в порядок не приведу. Тело, правда, молодое, но необразованное. Потенциал есть, но какой, мне еще предстоит выяснить. Тут имеется какой-то загадочный Эгрегор, к которому я почему-то постоянно подключаюсь странным интерфейсом. И то хлеб. Поскольку как раз только на хлеб заработка и хватает. На мне семейная лавка артефактов, которую нужно поднимать практически из руин. Для этого требуются знания и опыт. А еще в последнее время Корпус Стражей в нашем городке жить без меня не может - уж очень хорошо у меня получается расследовать разные преступления... на магической почве.

© Гусина Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дарья Гусина, Антонина Циль

Артефакторша 1. Я и баб(к)а, я и маг

Глава 1

– Ох, Валя, пропал Селезневский дом, – со вздохом сказала моя соседка Зоя Марковна, входя ко мне в квартиру с коробочкой печенья.

Мы обе подняли головы и посмотрели на потолок. Тот вел себя не совсем сообразно потолкам в обычных домах. Люстра покачивалась, и моя кошка Дуся с азартом следила с компьютерного стола за ожившими хрустальными висюльками. Грохотала музыка. Время от времени слышались звуки, словно кто-то бросал на пол что-то тяжелое. Бух-бах. Бум-бум-бум А я-то думала, у нас звукоизоляция, как в бункере. Очевидно, ошибалась.

– Что там у них сегодня? – пробормотала Зоя. – Концерт? Дискотека?

– Понятия не имею, – вздохнула я. – Стучала, колотила – не открыли. Еще и обругали матерно, через дверь. Женский голос такой кажется. Цитировать не буду. Не для наших с тобой нежных девичьих ушей.

– А, ты ж не знаешь ничего. Пока ты в санатории была, въехали эти. Марьи Петровны племянница и ее ухажер, – сообщила с грустью соседка. – Не муж, точно скажу. Вера Семеновна из соседнего подъезда с Марьей Петровной дружила и все о них знает. Померла Марья Петровна, а квартира досталась этой. Уходит старое поколение, а приходят бочки с жиром.

Теперь я поняла, кого рано утром видела из окна кухни. Ночью выпал снег, и каждый звук разносился в морозном воздухе с особенной чёткостью.

Я услышала забористый мат и выглянула в окно: двор укрыло пушистым одеялом, фонари светили ярко. Низенькая, но очень полная особа в малиновом пуховике тащила за собой девочку со школьным рюкзаком на спине. Я еще удивилась. В нашем подъезде я знала всех.

На свежем насте отчётливо виднелись следы. Девочка семенила за матерью, стараясь не отставать. Отпечатки женщины были широкими, разлапистыми, будто их обладательница не шла, а переваливалась с ноги на ногу. Вот, значит, кто это был.

– Ну зачем ты так, – тем не менее попеняла я подруге. – Может, у нее диабет? Или какое-то другое заболевание.

– В этом даже не сомневаюсь, – кивнула Зоя, раскладывая печенье на блюде. – Что какое другое. Или пара десятков других. Днем встретила ее эту Ангелину на лестнице. Хоть бы поздоровалась. Пакет прозрачный, а в нем чипсы, сухарики, батончики шоколадные, литровая пачка майонеза, мороженая картошка фри и магазинные котлеты. И вино, правда, марку не разобрала. И это с таким весом. Лицо красное. Глаза выпученные.

Н-да, Зоя всегда была зоркой. А я бы и внимания не обратила, что там соседи в пакетах носят.

Мы как всегда собрались на субботнее чаепитие. Обычно они проходили тихо, в разговорах, обсуждениях книг и сериалов.

Телевизор я не очень любила. Несмотря на свой почтенный возраст, большую часть свободного времени проводила в интернете. Бралась за переводы с разных языков, репетиторствовала. Пенсии мне не хватало бы: счета за большую квартиру приходили огромные, а сама я привыкла к достаточно комфортному существованию и не собиралась пока сдавать позиции.

Столько лет провела, накапливая знания, не давая мозгу состариться. Да и тело поддерживала, как могла: физкультура, дыхательные упражнения, йога. Теперь пользовалась «активами». Переводила с английского, хинди и французского. Писала продающие тексты. Даже

приторговывала на бирже, но осторожно, только когда понимала мировую обстановку и чем это грозит моим фондам, акциям и облигациям.

Переезжать в жилье поменьше не хотелось. Хотя я понимала – надо, годы берут свое. И пусть участковый врач Анна Петровна каждый раз удивлялась моему стабильному давлению и бодрости, моложе я не становилась. Просто тянула, пока совсем не прижмет. Поглядывала на сайты домов для престарелых. Подсчитывала, хватит ли денег от продажи моих хобб на оставшуюся жизнь под опекой.

Муж умер, родни не осталось, и как-то не сложилось с детьми. Но пока я была самостоятельной, в здравом уме (и довольно неплохом для моих лет) и рассудке, исправно платила по счетам и наслаждалась преимуществами жизни на пенсии.

Жилье досталось мне от мужа. Дима был профессорским сыном, рано потерял маму и отца. Мы вместе преподавали в известном московском вузе. Я – иностранную литературу, Дима – математику.

Я была моложе его на восемь лет. Разница была небольшой, на мой взгляд, но когда Дима неожиданно и очень романтично сделал мне предложение, меня почему-то обвинили во всех смертных грехах.

И перед профессором я, дескать, задницей вертела (честно говоря, в молодости повертеть было чем, но я была воспитана в других традициях и предпочитала общаться с мужчинами не только на уровне тела, а шире). И залетела (что потом не подтвердилось, но отношения ко мне не изменило). И вообще

Через пятнадцать лет Димы не стало, а я так толком не оправилась от потери любимого человека.

Селезневский дом – сталинский ампир – в последние годы стремительно избавлялся от доживающих свой век пенсионеров и превращался в элитное жилье. Нас, таких, как Зоя и я, осталось совсем немного. Вот и Марья Петровна отбыла. Царствие небесное.

– Но ведь квартира-то дорогая, – вдруг сообразила я. – Планировка, как у меня. А дама эта

– Ангелина, – подсказала Зоя, спеша в комнату с чайником.

– На вид не то чтобы обеспеченная.

– Продаст, не потянет, – уверенно заявила соседка. – Только тебе придется это вот всё терпеть. И еще неизвестно сколько. Но продаст, я уверена. Правда, Марья Петровна квартиру запустила – болела.

– Так вот почему у меня столько тараканов.

Словно в подтверждение слов соседки, сверху раздались громкие голоса. Женский и мужской. Потом какие-то вопли. Истерично завизжал-заплакал ребенок.

– Тебе что сказали?! – голосила женщина, очевидно, та самая Ангелина. – Иди уроки делай!

– Я не могу, – пищал ребенок. – Вы шумите!

В ответ послышалась отборная брань.

– Ма-а-а! Больно! Не надо! – заорал ребенок.

– Дочку ее жалко, – вздохнула Зоя. – Маленькая, худенькая, еле тащит рюкзак этот свой с книжками. Хахаль у Ангелины ну такой выпивошного вида. Шмыгнул мимо, руки в карманах, носом хлюпает. Куртка – рваньё. Шерочка с машерочкой – один другой не лучше. Неужели никого другого найти не смогла? С другой стороны, жалко девку. Молодая еще. Вот так доведет себя до инсульта или сопьется. Дитё с кем останется? С выхухолем этим? Так они не женаты, в детдом ведь отдадут, если родственников других нет.

Короче, обычного тихого и приятного чаепития у нас не получилось. Беседа вертелась вокруг «нехорошей квартиры». А я ведь собиралась обсудить с Зоей новую книгу известного японского автора. Я по старой привычке ходила в библиотеку, на последнюю работу. Хотя в

интернете могла скачать что угодно, имелись у меня подписки, где книги можно было читать за копейки.

Зоя засобиралась и ушла. К трем часам ночи я поняла, что не засну. Это означало, что не высплюсь, собью режим, который и так давался мне нелегко с моей склонностью к бессоннице.

Я села в кресло, включила ноутбук и начала смотреть сериал. Однако, отвлекаясь на шум и пьяные вопли, снова и снова включала фильм сначала. С вязанием, которое обычно меня успокаивало и навевало сон, тоже не сложилось. Кошка Дуся смотрела на меня с тревогой из своего домика. Даже ее трехнедельные котятки распищались.

– Чтоб тебя! – не выдержала я, грозя потолку вязальной спицей. – Вот честное слово! Не посмотри, что ты несчастная дурында – прокляну словом Измайловых! Коро-о-ова!

Была у нас в семье такая легенда: что вроде как имелись в роду настоящие ведьмы с даром проклятия. Но я, конечно, ни в какие такие мифы не верила. Так сказала, без веры в то, что сбудется, в сердцах. Потом пожалела, разумеется. Не надо было так злиться. От злобы ничего кроме злобы не рождается.

Внезапно шум затих. Я наконец добралась до кровати и крепко заснула

– Уы-ы-а-а Ва-а-а

Сначала я не поняла, кто издает эти звуки. Тем более, где-то рядом опять плакал ребенок. Я помнила, что заснула в кровати, но теперь под головой было что-то твердое. И руки. Я ощущала холод пальцами.

А потом поняла, что это я – пытаюсь что-то выговорить, но не могу – и похолодела внутри. Неужели инсульт? Где врачи? Кто плачет? Я в приемной больницы? На скорой привезли? Кто открыл дверь врачам? Зоя, наверное. У соседки были ключи от моей квартиры. Она кормила Дусю, когда я уезжала, и поливала цветы.

Я попыталась возмутиться: какого черта пожилую женщину оставили на холодном? Выдавила какое-то: «Гы-ы-ы-к»

«Точно инсульт, – подумала расстроено. – Не речь, а мяуканье какое-то. И голова болит, как будто её иглой пронзают».

Сказать ничего не получалось. Сердце колотилось как бешеное. Почему-то воняло какой-то кислятиной. А голосок рядом начал причитать:

– Тётушка тётушка ну очнись, ну пожалуйста Не умирай! Пожалуйста, не умирай! Что же буду без тебя делать, совсем одна?! Тётушка!

Наверняка, в больнице не оказалось мест в палатах, и меня положили в коридоре. А какой-то ребенок волнуется за тётю.

Но почему-то потрясли меня, а не незнакомую мне тётушку. Рыдания усилились, совсем близко. Мне на лицо закапало мокрым.

– Чтэ-э-эу? – удалось выговорить мне.

– Тётушка! – воскликнул голосок прямо над ухом. – Ты меня слышишь?

– Уэ-э-э угу-э-э – более уверенно отозвалась я.

– Что с тобой? Ты стояла и упала. Я думала, ты умерла совсем!

– Врау-ча, – с трудом выговорила я.

– Я уже сбегала к доктору Фро-фр-фру, – всхлипнул невидимый ребенок, проговорив какое-то непонятное имя. – Его жена сказала, что он он очень пьян. Как протрезвеет, так и придет.

– Оу-шень ми-и-ло, – простонала я.

Да что у них за больница-то! Буду жаловаться! Но скорее всего, тут и помру – в этом сумрачном липком и вонючем месте Говорить тем не менее стало полегче. К ощущениям добавилось некоторое осязание. По крайней мере, я почувствовала, что пальцы на обеих руках липнут к какой-то поверхности.

Попыталась открыть глаза и сразу их закрыла. Так, это явно не больница. И не моя квартира. Надо мной грязный потолок с паутиной. Где-то сбоку – пятно света. Я лежу лежу на полу. Видимо, упала.

Но как я здесь очутилась? Не помню, чтобы покидала квартиру. Это сон? Ну нет, слишком все реально. Инсульт с парализацией половины тела? Тем не менее пальцы почему-то шевелятся на обеих руках. Губы вот, начала ощущать. И боль головная как будто стала проходить, по крайней мере, я начала более-менее нормально дышать, если этот хрип мог сойти за дыхание

Я осторожно оперлась ладонями о пол и попыталась оторвать от него верхнюю половину тела. Получилось не очень. С локтями тоже не сработало. Зато зрение начало проясняться.

Однако что-то никак не давало мне смотреть вперёд – обзор заслоняла какая-то округлая штука. Я смогла оторвать руку от пола и прикоснуться к препятствию. Препятствие ощущалось как часть меня. Мама дорогая, это что, грудь? Бюст? И он живой? И он мой? Мой, раз я его чувствую.

Уф! Это всё сон, сообразила я наконец. Я всегда очень боялась болезней, которые могли превратить меня в овощ. Видимо, настрадавшееся за день сознание отключило контроль над подсознанием, и на поверхность разума полезли разные страхи. Но сон странный какой-то. Всё такое непривычное. Реальное. С одной стороны, хотелось проснуться, с другой – посмотреть, что будет дальше.

Странную корпулентную даму, роль которой я играла во сне, видимо, тоже навеяло знакомством с новой соседкой Ангелиной. Я вспомнила, как утром та шла по двору с дочкой, и я даже через стекло хорошо слышала разносящийся в воздухе речитатив:

– Вот же послал ребёнка. У всех дети как дети. Одна ты у меня в кого такая? А я знаю в кого. В отца-дебила. Будешь так же себя вести – и сама вырастешь дебилкой.

– Я спать хочу, – хныкала девочка.

– Спать спать ты всегда готова. А посуду вымыть, пол. Пожрать приготовить. Уроки сначала нужно делать, а потом спать, – твердила мамаша.

Я подождала. Проснуться не получалось. Бюст никуда не исчез, как и жалобный голосок:

– Тётушка Вель, вы только не умирайте. Пожалуйста. Я буду послушной-послушной. Я всё-всё буду делать. Буду ещё больше вам в лавке помогать...

Сделав невероятное усилие, я смогла перевернуться на бок. Прохрипела:

– Да что вы тут разлили-то? Пол липкий совсем.

Последовала пауза... а потом ребёнок разразился отчаянными рыданиями:

– Я мыла, мыла, честное слово, мыла. Герн Бренц разлил пиво и наблевал в углу. Тётушка! Только только не сердитесь! И не умирайте! Я снова всё вымою!

– Где?! Где наблевал?!

Я как-то сразу умудрилась подняться на колени и оглядеться. Так вот откуда этот запах? Будучи крайне брезгливой по природе, я и во сне не могла вытерпеть всяких... человеческих излияний в неположенных местах.

Проморгавшись, смогла немного оценить обстановку.

Во-первых помещение. Темное. Полки – на них что-то светится, пятнами. Длинный грязный прилавок, весь в каких-то потеках. Сзади (ох и тяжело же вертелась шея у моего тела) нашлась дверь, по бокам ее – окна, тоже грязные и пыльные. За ними угадывалось движение, в лачугу пробивался свет. Кажется, был день. Или утро. Или вечер. Но не ночь.

Во-вторых, ребёнка мне больше ничего не заслоняло. Это была худенькая девочка лет восьми. Я бы подумала, что она младше, из-за subtilности, скорее даже костлявости. Но глаза у ребёнка были почти взрослые, осознанные, очень большие и выразительные. В них отражались страх, надежда... и снова страх.

Одета девочка была в серое платьишко, застиранное до непонятного серо-бурого цвета и крошечных дырочек, но чистое, без пятен и с заплатками.

Я сама, то есть мой... эм-м-м... персонаж? аватар? образ? героиня?... или как это называется в особо реалистичных снах не могла похвастаться ни приличным одеянием, ни чистотой тела.

Замызганная пышная юбка туго облегла массивные бедра, блуза, некогда, видимо, белая, держалась на трех полуоторванных пуговицах. Талию – достаточно условную – охватывало что-то вроде корсета, как раз поддерживающего невероятных размеров бюст. В душу закралось подозрение, что блевотина господина... как его там... далеко не источник противного кислого запаха. Сие амбре больше исходило от меня, чем из угла.

Ребёнок затравленно всхлипнул, когда я сфокусировала на нём взгляд.

– Ты кто? – спросила я.

– Я... я... я Молька, – ответила девочка.

– А я тогда кто? – уточнила я.

Ребёнок снова зарыдал, раззявив ротик:

– Аа-а-а, тётушка... вы тётушка Вель... Ве-е-ельта...

– А ты ничего не перепутала?

– Не-ет! – захлебывалась в рыданиях Молька.

– А что со мной приключилось?

– У-ы-ы-ы... вы стояли за прилавком и упали! Головой назад. И затылком, видно, стукнулись... Сильно! Меня не узнаёте! Я... я ваша племянница, Молька! Аа-а-а!

– Молька – это как моль? – машинально поинтересовалась я.

– Да-а-а... я Молли, просто... худая и... эта... блёклая.

– Худая, – согласилась я, зная, что внимание девочки нужно переключить. Если этого не сделать, сама остановить истерику она не сможет. – Но не блёклая, а бледненькая. И очень симпатичная если тебя подкормить.

Молли сразу затихла и вытаращилась на меня круглыми глазами. И, кажется, испугалась еще больше. Даже голову в плечи вжала. Я что-то не то сказала?

Глаза у ребёнка были потрясающими: ярко-голубыми и огромными. С личиком, правда, было что-то не так. И я не могла понять, что именно меня смущает: слишком острый подбородок? Форма лица чересчур аккуратным сердечком? Слишком крупные глаза? Мысленно махнула на это рукой и занялась более актуальными задачами.

И задачей номер один был... сам сон. Ну не бывает таких реалистичных снов. Даже если бывают, мне такие никогда не снились. Я всегда краем сознания понимала, что сплю. Иногда не могла сразу проснуться, в основном во время кошмаров, которые смотрела довольно часто, сильно устав или расстроившись. Но то, что происходило со мной сейчас, сном явно не было. Липкий пол, ядреный запах пота, ощущение каждой клеточки этого тела – непривычного, но явно моего.

– Молька, – сказала я, осторожно осяпав лицо без признаков асимметрии и радуясь, что говорю нормально. – Ты веришь в реинкарнацию?

– Чего? – напряженно уточнил ребёнок.

– Я неправильно выразилась. Реинкарнация – это рождение вновь. А здесь речь об обычном переселении души. Из тела в тело.

Молька осторожно покачала головой и слегка от меня отодвинулась. Я бы сама от себя отодвинулась, если бы могла. Тем временем пришлось со стадии отрицания сразу перейти в стадию принятия, минуя злость, торг и депрессию: коленям стало больно, спина ныла, и мне срочно нужно было встать.

Глава 2

Глава 2

Подняться самой не вышло – верхняя часть тела упорно тянула к полу. Хорошо, что на помощь пришла Молька. Получилось своеобразное «тянем-потянем» и «тяни-толкай», и, в конце концов, я с трудом встала на ноги.

Голова немного кружилась. Но сердце уже не колотилось так бешено, как пять минут назад. Игла в мозгу пропала, но о ней всё ещё напоминала тупая боль. В сознании медленно формировалась не очень приятная и даже можно сказать пугающая мысль. Что если это не сон?

Во время магнитных бурь мне почему-то часто снились кошмары. В основном, классические, с чудовищами, и довольно редко настолько оригинальные, как сейчас. Ведь иначе как кошмаром случившееся со мной я назвать не могла.

Помнится, как-то раз мне приснилось, что мы с кошкой Дусей, внезапно заговорившей со мной на чистом русском языке, убегали от тираннозавров. На бегу Дуся довольно толково объясняла мне, почему не разговаривала прежде. Дескать, и так покоя не даете, а если еще узнаете, что кошки разговаривать умеют... Дусины аргументы показались мне вполне логичными.

В этом сне тираннозавров не было. Зато были боль в затылке и шишка, там же – в этом я убедилась, потрогав ноющее место пухлой, тяжёлой рукой. Ещё были запахи, жирные гудящие мухи, норвящие сесть мне на нос и щеки, звуки с улицы и напряжённый взгляд Мольки.

Я ответила девочке таким же пытливым взглядом. Под ним ребёнок начал медленно перемещаться к входной двери.

– Ты куда? – с интересом спросила я, когда Молька потянула на себя грязную дверь.

Ребёнок всхлипнул и помотал головой, но оставил дверь в покое.

– Извини, что напугала, – вздохнула я, присев на стул. Ноги держали так себе, а еще вернулась головная боль, но другая, смутно знакомого типа. – Не знаю, что произошло, но явно ничего хорошего. Можешь сделать одно одолжение?

Одолжение делать Молька явно не хотела. А хотела, видимо, сбежать, пока стукнутая тетя не выкинула что-нибудь... эдакое. Но я попросила мелкую ущипнуть меня за руку. Ребёнок сначала категорически отказывался щипать любимую тётушку, но потом вошёл во вкус.

– Больно! Хватит! – заорала я, убедившись, что мне доступен весь спектр болезненных ощущений и сном происходящее быть явно не может.

На руке наливались красным из белого несколько синяков. «Железа не хватает, – мысленно отметила я. – И сосуды слабоваты. Немудрено. Мадам явно неправильно питается, спортом не увлекается. Да какой уж спорт? Это тело и обычной физкультуры давно не видело».

– И что же получается? – машинально спросила я вслух. – Мне теперь в этом... жить? А я... прежняя? Умерла?

– Нет, нет, тётушка! – испуганно зачастила Молька, обхватив мою ручищу выше локтя своими тоненькими ручками. – Вы не умерли. Вы здесь со мной. Ударились только. Сильно ударились, да? Болит?

Ребёнок явно был в ужасе от моей общей деморализации. И я поспешно проговорила:

– Шишка почти совсем не болит.

– А меня помните? Помните, что я Молька? Ваша сестра – моя мама. Она меня тут оставила с вами. Потому что уехала. А куда она уехала, там с детьми нельзя, – быстро тараторила девочка, дрожа всем телом. – Она вернётся и меня заберёт. Очень-очень скоро вернётся. Вы и не заметите, как она вернётся. Только не выгоняйте меня, пожалуйста. И в бордель не надо. Там плохо, в борделе, госпожа Каплер рассказывала.

– Это что это за госпожа Каплер такая, – нахмурилась я, – что детям рассказывает... неприличности всякие? Из чего ты решила, что я собираюсь сдать тебя в бордель? То есть... что твоя тётушка собирается...

– Вы же сами сказали, что я симпатичная, – затрясся ребёнок, – что меня только подкормить и... Вы раньше такого не говорили, а сейчас сказали.

– О господи, – я подхватила девочку своими огромными загнувшимися руками (при этом в плече что-то громко хрустнуло) и усадила её к себе на колени. – Ты всё неправильно поняла. Ни в какой бордель я тебя отправлять не собираюсь, не хватало еще! Я просто сказала, что ты очень симпатичный ребёнок, только худенький. Ну если тебя тут хорошо-хорошо кормить, то у тебя появятся румяные щёчки, окрепнут ножки, ты сможешь быстро бегать...

В общем, говорила я всё, что в голову приходило, лишь бы успокоить девочку. Та постепенно и успокаивалась: перестала дрожать, но всё ещё крепко держала меня за руку.

– Значит, – тяжело вздохнула я, осматривая свои торчащие из-под юбки припухшие лодыжки (до варикоза дело пока не дошло; видимо, тело, в котором я находилась, было молодым и крепким), – ты моя племянница, дочь сестры. Так вот, дорогая племянница, как ты уже поняла, избавляться я от тебя не собираюсь. Напротив, мне очень нужна твоя помощь. Дело в том, что, ударившись, я действительно всё забыла. Даже своё имя.

– Тебя зовут Вельта, а люди называют тебя Толстая Вель, – сразу пришла на помощь добрая девочка.

– Понятно, – поморщилась я. – Как-то не удивительно.

– Ой! – подпрыгнула у меня на коленях Молька. – А как же ты их теперь узнаешь? Герна Бренца, фраву Каплер, майстерину Шмидт, малыша Муху...

– Вот в этом-то и дело, – сказала я грустно. – Без тебя я точно никого не узнаю. А не хотелось бы, чтобы люди заметили мою амнезию.

– Амне... что?

– Это когда человек теряет память. Всё забывает. К примеру, ложку держать умеет, и книгу даже почитает, а вот кто он, откуда и как его зовут – ни сном ни духом.

– Да-а-а, не повезло, – подумав, протянула Молька. – Если все вокруг догадаются, что ты ничего не помнишь, будет плохо, – рассудил не по годам умный ребёнок. – Все деньги начнут обратно просить. А ты-то забыла всё.

– С этого места поподробнее, – насторожилась я.

– Ты сначала задолжала многим, но вчера продала артефакт невянущих цветов. Долги раздала. И никуда не записала.

– Расписки даже не взяла?

Ребенок укоризненно покачал головой.

Образ Толстой Вель пополнился новыми неприятными деталями. На лицо глупые мозги. Хотя я и так подозревала, что всё плохо. Достаточно было осмотреться вокруг. Пыль, грязь, запустение. И только какие-то странные предметы светятся на полках.

– А что это за место? – спросила я, осматриваясь уже внимательно и стараясь запомнить каждую деталь.

– Так это наша лавка артефактов, – не без гордости пояснила Молька.

– Допустим, – сказала я. – Лавка. Артефакты. Я торгую артефактами. Я торгую артефактами?

– Ага, – приободрился ребёнок. – Ты артефакторша. Артефакторша Вельта Брандт.

– Ну... звучит лучше, чем Толстая Вель, – весело подмигнула я ребенку, хотя внутри повеяло холодком.

У меня тут, оказывается, профессия имеется. Очень, скажем, далекая от того, что я умею. А что я умею? В литературу умею. Физкультуру в школе преподавала, в походы ходила, вожа-

той подрабатывала, в архивах сидела – артефактами не занималась. В девяностые чем только не промышляла.

Молька прыгнула с моих колен и подбежала к ближайшей полке. Она сняла оттуда нечто похожее на якорь из магазина морских сувениров, но в его центре светился небольшой голубоватый камень:

– Это Тифенгрунт, артефакт основ, – с придыханием сообщила девочка. – Без него ни один алхимический раствор нельзя проверить на примеси. Очень ценная вещь. Ты сказала, никогда его не продашь, даже за тысячи тысяч алмазов.

– Да ну? – пробормотала я с некоторым сомнением.

Выглядел артефакт как дешевая поделка со стекляшкой, правда, камень слегка светился. Может продать как ночник? Что тут у них с расценками на ночники?

– А это Огненное сердце, – продолжила экскурсию Молька, взяв с полки нечто плоское, похожее на обычный булыжник. – Лечебный артефакт. Создан, чтобы побеждать... ну этот... – ребенок заметно смутился. – Ну который... в попе.

– Геморрой? – удивилась я.

Огненное сердце. Не слишком удачное название для деликатной проблемы. Хотя... как говорится, тут с какой стороны посмотреть...

– Ага, – кивнула мелкая.

– Тоже очень дорогой и ценный предмет?

Ребёнок только многозначительно присвистнул, возведя к потолку голубые очи. Тут я даже как-то поверила.

Мне также рассказали об артефакте...хм... весьма узкого направления, избавляющем от снов про крыс. Со снами другой тематики вещь почему-то не работала, а жаль. Я бы попробовала – избавиться от текущего сновидения, хотя поняла уже, что это не сон.

Хрустальный шар, похожий на те, что продавались у нас в магазинах с разной эзотерикой, оказался артефактом от драконьего пламени. Чаша, якобы некогда принадлежащая королю Зигмару, единственный сосуд, в котором не высыхали и не портились слёзы чистых дев, больше напоминала детскую глиняную поделку, но, возможно, так предмет и задумывался.

Все без исключения артефакты, по словам Мольки, были невероятно дороги и редки. И все... очень полезны. Но моим фаворитом, несомненно, стала защитная реликвия от драконьего пламени.

Все артефакты достались Вельте от родителей, и только некоторые она купила или скрафтила сама – что это означало, девочка не уточнила.

У меня всё больше мучил вопрос: если эта Вель обладает таким богатством, почему сидит на шатком стуле в лохмотьях? С другой стороны, продай она весь этот сомнительный ассортимент – и нечего будет поставить на полки. Впрочем, даже с такими редкостями, как артефакты против геморроя, в лавку никто как-то не ломился.

– Среди них нет случайно какой-нибудь реликвии, лечащей потерю памяти?

– Нет, – огорчённо покачала головой Молька. И с лёгкой мстительностью в интонации добавила: – Была. Но ты её продала.

Мне оставалось только почесать в затылке и пробормотать:

– Кто ж знал...

То есть активов у нас немного. Вся надежда на артефакт от геморроя.

Но Молька полезла куда то на нижние уровни шкафа и, подняв облачко пыли, с пыхтением достала оттуда небольшую деревянную коробку.

– Вот, тётушка, – удовлетворённо проговорила она и чихнула.

Пришлось мне со старческим кряхтением встать со стула и подойти к прилавку.

Нет, с этим телом определённо нужно что-то делать. Не факт, конечно, что меня опять куданибудь не забросит. Что если хозяйка тела вернётся и потребует на выход? С другой сто-

роны, чем дольше я здесь нахожусь, тем больше привыкаю к себе новой. Тяжеловато, конечно. Но что делать?

Решено. Приму за факт, что это теперь моё новое вместилище. Лавка артефактов – очередное место работы, которых в жизни я сменила немало. И танцевать буду от этого. Хорошо бы еще побыстрее смыть с себя пот и грязь. Вот это, как выражаются мои онлайн ученики, триггерит не по-детски.

Я с любопытством заглянула в вытащенную на свет божий деревянную коробку. В ней в беспорядке громоздились глиняные кругляши с одинаковыми голубоватыми овалами в середине. Как будто кто-то взял кусочек опала и вдавил его в керамическую заготовку. Вокруг полупрозрачных камней обвивались выдавленные в глине строки. Буквы напоминали санскрит, с которым я была немного знакома. Но ни одного слова прочитать мне не удалось.

– А это что? – спросила я.

– Это то, что ты, тётушка, делала, но не доделала, – обличительно сообщила мелкая.

– Тоже артефакты?

– Ага, – Молька снова по взрослому горестно вздохнула. – Самые продажные. От сглаза, от мелкой нечисти, мух и тараканов, от колик...

– От мух? – весьма заинтересовалась я. Одна как раз упорно мостилась у меня на липком лбу. – И их можно использовать?

– Не-а, – мотнула головой девочка. – Ты же их не доделала. И заряда в них нет.

– А почему они светятся?

– Так лунный камень же.

– Угу.

Понятно, что ничего не понятно.

– А почему я их не доделала?

Лучше бы я не спрашивала. Молька с новым тяжким вздохом указала в угол. Там валялась... пустая бутылка. При ближайшем рассмотрении она оказалась ёмкостью из-под вишнёвой наливки. В другом углу обнаружили ещё четыре бутылки.

Нечто подобное я и предполагала. Уж больно головная боль была нехорошей, но знакомой.

Похмелье я испытывала лишь пару раз в жизни: после выпускного и когда к нам с мужем пожаловали его родственники из деревни, с самогоном, естественно. Оба раза воспоминания остались не очень приятные.

Значит, я не просто попала, а в тело любительницы выпивки.

– Даже спрашивать не буду, что вчера было, – простила я, плюхаясь обратно на стул и обмахиваясь грязноватым фартуком, зачем-то надетым поверх ещё более грязной юбки.

По лицу Мольки я догадалась, что она с удовольствием мне пересказала бы вчерашний вечер, но не велено, значит, не велено. Ребёнок явно осмелел, как-то интуитивно догадавшись, что наказывать его больше не будут, но границ не переходил.

Головная боль нарастала. Молька задумчиво перебирала глиняные артефакты.

Что ж, получается, у Вельты было налажено некоторое производство. А она всё это, извините, проспала. И заменить её мне будет очень трудно.

Во-первых, я понятия не имею, как делаются эти светящиеся шайбочки. Нет, при известном старании слеплю и получше. Вспомню свои навыки в гончарном деле – пару лет назад с Зоей Марковной ходила на мастер-классы – и наделаю хоть сотню. А всё остальное, простите, не ко мне: подбирать камушки, придавать предметам нужные свойства посредством, я полагаю, нанесения специальных знаков (рун?) и заряжать.

– А ты эту... – я кивнула на кругляши, – технологию случайно не знаешь? – с надеждой спросила я у племянницы Вель.

– Здесь лунная вязь. Мы такое ещё не проходили, – призналась мелкая. – Это очень сложная магия.

– Понятно. А ты, значит, в школу ходишь?

– Хожу, – у девочки понуро опустились плечики. – Иногда. Редко. Когда в лавке помогать не нужно.

Я непроизвольно нахмурилась. Непорядок. Дети должны учиться.

– И что же тебя эта толсту... то есть я... заставляла делать?

– Ну, – возведя взгляд к потолку, начала перечислять Молька, – подмести, помыть тут всё, пыль протереть, посуду перемыть, в лаборатории прибраться, сбежать за... – ребёнок сконфуженно замолчал.

– Наливкой? – кивнула я.

– Ага.

– У вас тут несовершеннолетним спиртное продают?

– Так все же знают, что я твоя племянница, – непонимающе похлопала глазами мелкая. – Знают, что тебе в долг дать можно, что ты потом отдашь.

Ну хоть что-то хорошее узнала о своей предшественнице. До сих пор было только плохое. Однако тех, кто продаёт выпивку малышне, найду и... проведу с ними разъяснительную беседу, с пристрастием. Ничего, что со своим уставом в чужой монастырь не лезут. Я влезу.

Внезапно ожил до сих пор молчавший желудок, исполнив арию «Да дайте же пожрать, наконец!».

– Молька, – проникновенным тоном обратилась я к племяннице, – а что мы тут обычно едим?

Этот простой вопрос ребёнка явно тоже смутил.

– Вы, тетушка, – девочка снова начала выкать, вжав голову в плечи, – кушаете в трактире.

Так, начало мне уже не понравилось.

– И что же я там... кушаю?

– Пирог, сосиски с капустой, окорок, яичницу с беконом, свиные колбаски... – Молька сглотнула слюну.

– Звучит неплохо. А ты? Тебе я поесть приношу?

– Ну-у-у... когда не забываете.

– И как часто я... забываю, – шокированно уточнила я дрогнувшим голосом.

– Ну-у-у...

– Понятно.

– Тогда я ем... разное, – Молька отвела взгляд. – Фрава Шмидт иногда булку дает с изюмом, вчерашнюю, но всё равно вкусную. А ещё мне покупатели иногда мелкую монету кидают. А бывает даже четвертак, это если я заказ до дому доношу.

«Госпожа Вельта, прости господи, Брандт! – мысленно взъерилась я. – Как же вы дошли до жизни такой? Ваша племянница практически побирается при живой тете, а вы окорока жуёте по трактирам!»

Я, может, и не в этом мире родилась, но прекрасно понимаю, насколько приготовленная в общепите еда дороже домашней. И это при острой нехватке денег и регулярном пьянстве! И о том, что такое постоянно недоедать, я тоже не понаслышке знаю!

– А деньги? Какие-нибудь деньги у нас есть?

Молька снова нырнула под прилавок. Что-то зазвенело, и девочка поставила на столешницу неглубокое блюдо с монетами. Пришлось опять ковылять к прилавку. Так, глядишь, за день и нахожу десять тысяч шагов.

– Вчерашняя выручка. Четвертак, – Молька двигала монетки тонким пальчиком, – две медяшки. Ура, полсеребрушки! И ещё!

– Я так полагаю, было больше до того, как я... – выразительно посмотрела в сторону угла лавки с пустыми бутылками.

Молька лишь развела руками.

– А сколько стоит обед в трактире?

Выяснилось, что как раз полсеребряшки.

Меня терзали смутные подозрения. Не может быть, чтобы у Вельты не было какой-нибудь заначки. Нельзя же жить, не планируя – пусть даже самое ближайшее – будущее.

Хотя я уже ничему не удивлюсь. Даже если выяснится, что хозяйка лавки ничего не отложила на чёрный день, и в блюдечке лежат все деньги, на которые мы можем рассчитывать.

Немного походила по лавке, пытаюсь обмозговать ситуацию. В голову ничего не лезло. Бурчащий живот ещё больше отвлекал от разработки мало-мальской стратегии.

Из любопытства я потянула на себя входную дверь. Успела разглядеть только булыжную мостовую неширокой улочки и многочисленные прилавки вдоль неё. Мимо внезапно пронеслось что-то дребезжащее – на четырёх колёсах и, кажется, с водителем.

– Ой! – воскликнула мигом оказавшаяся рядом Молька. – Это же герн Волле на своём безлошадном драндулете! ЗдОрово как!

Мелкая захлопала в ладоши. Я же молча закрыла дверь. Как говорится, в норе крота Дюймовочка никогда не видела солнца. По ощущениям, лучи выжгли мне всю сетчатку. Какое-то время я ошалело моргала и терла веки, стараясь разогнать оранжевые пятна перед глазами.

Практически наощупь добралась до своего стула, ставшего для меня сегодня мебелью обетованной. Пятна никуда не исчезали. Наоборот, они начали складываться в какие-то знаки.

Снова санскрит? Немного похоже. Наверное, в глазах отпечаталась чья-то яркая вывеска с улицы. Я перевела взгляд влево – буквы переместились вместе с ним. Вправо – та же история. Мало того, внезапно перед раскрытыми глазами засияли строки:

Текущее действие: сопряжение

Правый глаз, левый глаз.

Сопряжение не выполнено. Следующая попытка – через 5 часов.

Я ещё раз моргнула, и надпись исчезла. Зато голова заняла намного сильнее, а желудок присоединился к ней сосущей болью. Ладно. Чем бы это ни было, сначала нужно раздобыть еду. Но первым делом... разумеется, помыться!

Глава 3

Насчет быстренько помыться я, конечно, разбежалась.

Это в своей квартире я могла оперативно принять душ или устроиться отмокать в ванной. Когда отключали горячую воду, я вызывала сантехника, и он пристраивал над ванной электрический нагреватель. Красота!

Понятие «ванная комната» в доме Вельты отсутствовало. Напрочь. Вельта ходила мыться в какие-то местные бани. Молька так и не смогла вспомнить, когда тетушка была там в последний раз. Сама Молька мылась в тазике.

В доме, правда, имелась то ли бельевая, то ли прачечная, в которую давно никто не заходил – и слава богу, потому как пыли в неё нанесло гораздо меньше, чем в остальные помещения. Там на полках лежало спрессованное временем чистое постельное белье. Штопанное, застиранное, тонкое, но относительно чистое. Разумеется, его хотелось перестирать. Но я решила, что одну ночь мы как-нибудь перекантуемся.

Молька упомянула, что у тёти есть корыто. Оставалось лишь найти его и залить водой. А там дай бог отмоется, чай, я тоже не всегда в хоромах проживала. И в общежитии успела пожить в славные молодые годы, с одним санузелом на несколько квартир, прямо как в песне Высоцкого.

Сам дом оказался не особо большим, но достаточным для проживания одинокой меня и маленькой Мольки. Первый этаж был разделён на три неравные части. Самую большую занимала, разумеется, лавка с её громоздким прилавком и полками до потолка. За ней располагался коридор.

Левая дверь из него вела на кухню. Правая – в подвал. В нем находилась лаборатория, туда Молька заходить боялась, а мне хватило одного взгляда в приоткрытую дверь, чтобы увидеть заваленные какими-то склянками столы, высохшие травы, пучками развешанные под потолком, и странные приспособления, о назначении которых я не имела никакого представления. Позже разберусь.

Узкая винтовая лестница вела наверх, в мансарду. Там, под самой крышей, находились две крошечные комнатки: спальня самой Вельты и каморка Мольки. В первой было тесно от огромной кровати с резными столбиками, которая занимала чуть ли не всё пространство, и платяного шкафа, из которого пахло лавандой. Во второй кровать была поуже, но имелись стол, стул и узкий шкафчик с нехитрыми нарядами Мольки: парой платиц, кофт и накидок.

Окна в мансарде были маленькими. Света они давали такой мизер, что даже днём здесь царил сумрак. Пол скрипел под ногами, а потолок нависал так низко, что я, с моим новым ростом королевского гренадера, едва не касалась его головой.

Бедненько. И даже не чистенько. Ребенку нечего надеть в холодную погоду. Что касается Вельты, то придется расхламлять ее набитый рваным тряпьем шкаф. Похоже, она ничего не выбрасывала, только копила. Не страшно, и этот вопрос решим. Я ас в расхламлении.

Но когда я шагнула в кухню, даже моя стойкая психика не выдержала. Меня вынесло в коридор едкими парами, скопившимися в давно непроветриваемом закрытом помещении. Прогорклый жир смешивался с кислым перегаром, к ним присоединились сладковатые ноты гниения и резкий аммиачный дух, источник которого я бы предпочла не выяснять.

– Нормально, только глазки щиплет, – ободряюще просипела я Мольке, которая опять перепугалась. – Противогоза нет случайно?

Противогоза, конечно же, у Мольки не было. Поэтому я пулей ворвалась в кухню и рванула на себя оконную раму. К счастью, та присохла не настолько, чтобы не открыться. На меня посыпался мелкий мусор, но через несколько секунд я уже жадно вдыхала свежий воздух, перевалившись через подоконник.

Окно, кстати, выходило в маленький неухоженный, но полный солнечного света садик. Солнце как раз развернулось над крышей и выжаривало сухие травинки, в которых я с трудом определила остатки базилика.

Потом я собралась с духом и повернулась. Молька, зажав пальцами носик, с восторгом смотрела на меня от двери. Наверное, раньше её тётушка так резво из пункта А в пункт Б не перемещалась.

Ну, скажем так, кухня была полностью оборудована. В ней имелись как почти настоящая, привычная для моих глаз плита, так раковина и кухонная стойка. В стены были вбиты крюки. Очевидно, на них полагалось висеть медным сковородкам, соусным ложкам, половникам и прихваткам. Однако вся посуда, видимо, уже не первую неделю, судя по количеству мелких опарышей на ней, громоздилась в раковине. И на плите. На полу. На деревянном квадратном столе, на стульях и на каком-то ящике в углу.

Плита была чёрной. Не первоначально покрашенной черной краской, а покрытой отслаивающейся сажей, которая кое-где начала естественным образом осыпаться на пол. Дверца духовки не закрывалась: она висела на одной петле, открывая вид на золу непонятного происхождения в обугленном противне.

– Ложки-матрёшки, – выдохнула я.

Эту фразу любил повторять мой покойный муж. Не ругательство, а так... выражение досады.

Каких только грязнуль я в жизни не повидала, но госпожа Брандт побила все рекорды. Очень хотелось поинтересоваться у Мольки, нет ли в городе клининговых компаний. Но, во-первых, я понятия не имела, что это был за город, который на поверку мог оказаться и посёлком. Во-вторых, у нас не было денег.

Зато в углу обнаружилось большое корыто. Нынешняя я в него никак бы целиком не поместилась, а Молька могла при желании в нём даже поплавать. Нормально, сгодится как поддон для душа. Теперь раздобыть бы горячей воды.

Я снова обратила свой взор в сторону плиты и раковины. Как раз в этот момент по кухонной стойке прогуливались два таракана, один почему-то светящийся, как артефакты в лавке. Правда, сияние у него было послабее, чем у магических предметов.

Тараканы встретились на середине столешницы, поприветствовали друг друга усиками и даже, по-моему, что-то перетёрли на своём тараканьем. Наверное, вкратце пообщались за жизнь. Как детишки? Как сам?

Я стояла, замерев. Даже не попыталась вооружиться чем-нибудь тяжёлым и прибить паразитов. Просто проводила их нехорошим взглядом. Чур меня, чур. Моё время ещё придёт. И тогда посмотрим, кто кого. А пока пусть гуляют. Вдруг они мутанты какие-нибудь. Или наоборот, сакральные насекомые.

Над раковиной даже имелся кран. Он попыттел, но выдал сначала мутноватый, но потом вполне чистый поток. Цивилизация, однако. Молька утверждала, что в городе (все-таки городе, под названием Бергхайм) имелся центральный водопровод.

Воду Вельте никогда не отключали. Она регулярно платила за коммунальные услуги и даже иногда меняла горелые камни.

– И золотарям платила, и дрова-непрогорайки покупала, – подсказал ребенок.

– Это хорошо, а кухню она... то есть я... зачем так засра... запустила?

Молько шмыгнула носом и, как всегда, когда приходилось критиковать тетушку, вжала голову в плечи. Хорошо хоть на «вы» не перешла:

– Так... утром у тебя голова болела, а потом вечер наступал. Ты в трактир шла, а потом работала... иногда. А утром...

– Все по-новой, – кивнула я. – А что за камни такие?

Молька подбежала к плите и указала на конфорки:

– Смотри, тут круговерть нужна. Это такой ухват специальный, он в щели между плитой и стеной стоял. Так вон он, там и торчит!

Девочка юркнула в щель, в которую моя нынешняя рука не пролезла бы, и извлекла оттуда нечто, напоминающее ухват для горшков, только поменьше и с более длинной ручкой

– И что же делает эта круговерть?

– Ею нужно захватить конфорку и провернуть по часовой стрелке. Тогда камень нагреется.

– Горельный камень? – уточнила я.

– Ага, – Молька кивнула. – Их в горах добывают. В школе говорили, это особый магический минерал. А если его против часовой стрелки провернуть, то он остывает.

– И часто их надо менять?

– Когда истончатся, тогда и менять, – деловито ответила девочка. – Мы давно меняли.

– А у нас сейчас есть запасные?

Молька задумалась, наморщив лоб:

– В кладовке, на верхней полке... только я не помню, сколько их там. Ты в последнее время всё больше в трактир ходила, дома почти не готовила. А я... я много готовила. Наверное... сожгла... несколько... и этот.

– Это мы сейчас проверим, – решительно заявила я, делая вид, что не замечаю вины на мордашке Мольки. Похоже, тетя давила на ребенка своим постоянным неодобрением, убеждая девочку, что та – причина всех невзгод. – Дай-ка мне эту круговерть.

Я немного расчистила плиту, свалив посуду в несчастную раковину, которая протестуяще закрипела, но, к счастью, не развалилась. Осторожно захватила круговертью ближайший камень и провернула его по часовой стрелке. Момент истины.

Сначала завоняло – прогорали жир и пыль, осевшие на пластине. Затем камень налился оранжевым светом, точь-в-точь, как моя электрическая плита в другом мире. Однако через пару секунд стало заметно, что светится только середина пластины и то весьма неохотно.

– Прогорел, – догадалась я.

– Я сейчас новый принесу! – Молька метнулась к двери и через пару минут, сопровождавшаяся грохотом и лязгом, вернулась с новыми камнями и пауком на левой косичке. От паука мы избавились, а камень почистили от пыли.

– Сколько их у нас? – спросила я, оценивая жар ладонью.

– Это последний, – с видом знатока ответила девочка. – Одного камня хватает на месяц, если каждый день готовить.

– А цена?

Молька замялась:

– Поштучно – серебрушка за один камень. А дюжиной если брать – каждая по «лысому дядьке» выходит.

Далее последовали пояснения, кто такой лысый дядька. Оказалось, что дядьки и тетки, короли и королевы прошлого, были профилями на мелком серебре. Лысый дядька, какой-то там Ровер Энный, гордо красовался на монетке в три четверти от серебрушки.

– Значит, будем брать камни оптом, – подвела итог я. – А пока покажи, как новые вставлять.

Молька провела мастер-класс и вскоре мы уже громоздили на плиту с трудом отмытую холодной водой большую кастрюлю. Потратили остатки едкого мыла, но Молька принесла новый кусок из кладовки.

Хоть какие-то запасы у Вельты имелись, и на том спасибо. Интересно, чем она мыла голову. Как мне эти косы до пояса в нормальный вид привести?

– Есть хочется. До ужина доживем? – спросила я, поняв, что купание на пару часов переносится.

Молька скорбно покряхтела, и я согласилась – не доживем. Мелкая вдруг подорвалась и побежала к ящику в углу кухни.

– Холодильный шкаф, – начала уже привычно объяснять Молька. – Ты его сама сделала. Артефакт холода поставила, а ящик уже готовый был. Там яйца остались! Целых пять штук!

Я подошла ближе. Молька дёрнула ручку, и изнутри шкафа пахнуло приятной прохладой. На верхней полке висело сплетение медных проволочек с тускло мерцающим глиняным артефактом.

– Истощился почти, – вздохнула девочка. – Ты забывала заряжать.

На средней полке стояли высокая темная бутылка и кувшин с прокисшим молоком. На нижней лежали пять свежих яиц. Я несказанно обрадовалась находке. Выяснилось, что яйца Молька купила для себя – на чаевые от щедрых покупателей.

– Я их прятала, а вечером, когда ты засыпала после... ну... трактира, шла на кухню и жарила себе пару штук. Посуду не мыла, ты строго-настрого запретила – ты говорила, я слишком много мыла трачу. А я просто... фу... червяков боюсь.

Я вздохнула, но ничего не сказала. Ребёнок кормил себя сам, пока тётя пропивала остатки семейного достояния.

– Значит, на обед будет яичница, – решила я. – А холодильник я почию... потом. А тут что? – спросила я. Не дожидаясь ответа, достала темную бутылку, открыла крышку и понюхала.

Мамочки мои! Из бутылки пахло родным оливковым маслом холодного отжима, которое я просто обожала. Не хватало только хлеба, чтобы приготовить роскошный обед.

– Я за караваем сбегаяю! – вызвалась Молька.

Я отсчитала ей деньги с блюдечка.

Вода уже нагрелась, и я пожертвовала ее на то, чтобы ополоснуть раковину и смыть с посуды хотя бы часть грязи. Большинство пригоревших ошметков с первого раза, конечно, не отвалились. Но раковина, по крайней мере, перестала напоминать болото с личинками, в котором вот-вот зародится новая цивилизация.

Поставила еще одну порцию на плиту. Камень разгорелся, и через пару минут со дна кастрюли начали подниматься пузырьки.

Следующая порция горячей воды, которую я зачерпнула относительно чистым ковшиком, пригодилась для того, чтобы отмыть небольшую сковородку, видимо, ту самую, в которой Молька жарила яйца. Это оказался единственный предмет на кухне, не настолько тронутый местным апокалипсисом.

Вскоре прибежала Молька. Каравай был не только свежим, но ещё и... чесночным.

– Ты точно ни с кем сегодня целоваться не будешь? – строго поинтересовалась я у Мольки.

Та сначала опешила, а потом залилась счастливым смехом – звонким, словно колокольчик.

– Нет, – пискнула она. – Целоваться? Фу! Какая гадость! Там же слюни!

– Угу, – подтвердила я, – слюни, так что не спеши практиковать... лет до восемнадцати, желательно.

Не выдержала и отправила в рот кусочек горячего хлеба. Как же вкусно!

Поставила сковородку на плиту и плеснула на неё оливкового масла. Я знала, что жарить на оливковом холодно отжима не рекомендуется, но другого у нас не было. Вскоре на сковороде зашипела и забрызгала маслом яичница.

Еду мы перенесли в лавку, на прилавок. Я протёрла столешницу, застелила относительно чистой салфеткой, найденной в кладовке, и мы с аппетитом пообедали.

Окуная кусочки хлеба в оливковое масло, я закрывала глаза от наслаждения. Такая диета для Толстой Вель – так себе. Но сегодня можно... в буквальном и переносном смысле закрыть на это глаза.

– Слушай, а откуда масло? – спросила я, с сожалением отодвигая пустую тарелку. – Оливковое, хорошее... У нас... то есть на рынке такое стоит дорого. Я знаю... помню.

– Это доплата. За артефакт от прыщей. Одному клиенту не хватило денег, он и принёс. Ты сначала ругалась, а потом сказала, что масло дорогое, пригодится. И оставила.

– Повезло, что я про него забыла.

– Ты же на кухню вообще не заходила, только в трактир и обратно. А я... я не брала чужого. На яйца я сама заработала, а про масла ты мне ничего не говорила. Его я не трогала. Честно. И из выручки не воровала, хотя... – Молька фыркнула, – ты бы и не заметила.

– Ты самая честная девочка на свете, – со всей серьёзностью сообщила я зардевшейся мелкой.

Затем наступила очередь банных процедур.

Две кастрюли горячей воды я потратила только на волосы. Не знаю, как часто Вельта ходила в баню, но очевидно, что её голове внимания доставалось больше, чем телу. Но все равно, волосы были жирными, спутанными, и мыть их пришлось в два захода, с обильным количеством мыла.

Когда наконец удалось смыть всю грязь, я заплела влажные волосы в две косы. Вельта носила их обёрнутыми вокруг головы, поверх надевала платок. Такие косынки я нашла в её шкафу, их там имелось даже несколько чистых.

Затем я как следует натёрлась мылом и несколько раз облилась горячей водой. Запахи пота и кислоты наконец-то ушли. Мыло немного пахло лавандой, хотя чувствовалось, что пролежало оно в кладовке довольно долго.

В доме имелось всего одно большое зеркало, на дверце шкафа Вельты. Я с некоторым опасением разделась перед ним и внимательно осмотрела себя новую.

Н-да, фронт работ открывался просто колоссальный.

Свою фигуру Вельта абсолютно игнорировала. Вернее, явно потакала ей во всём, в чём только могла. Я ничего не имела против здоровой полноты – учёные уже давно выяснили, что женскому организму без прослойки жира здоровым не остаться. Однако налицо были скрипящие суставы, синяки и сосудистые звёздочки, свидетельствующие о проблемах с печенью.

Что уж говорить о трёх подбородках и торчащем животе.

Глаза у Вельты были красивые, серые... были бы, если бы не терялись в складках отекавших век. Нос уже наливался специфической краснотой, характерной для любителей выпивки. Ещё немного – и станет напоминать перезревшую сливу. Кожа на губах была сухой, с трещинками. Под грудью, весьма большой, образовались очаги опрелости.

Я быстро надела что-то вроде плотной кофточки-лифчика, обозвав ее «набюстником», выстиранную блузу, штаны и такую же пышную юбку, только чистую. Корсет решила не надевать. Нашла коробочку пудры и припудрила все склонные к потливости места. Как-то так.

Задумалась. Как-то слишком уж быстро я адаптировалась к этому миру. Что тут сыграло роль? То, что я иногда почитывала фэнтези, не считая его таким уж низким жанром?

Мне, как бывшему профессору литературоведения, иногда открывались в нём новые интересные горизонты. Взять хотя бы тех же попаданок. Популярный жанр, иногда легкий, иногда не очень, а «для подумать».

Конечно, я понимала условность этого жанра. Как можно, попав в другой мир, не впасть в истерику, не биться головой о стены, а через пару дней уже бодро торговать на рынке, обустроить поместье и влюблять в себя местных аристократов? Психика есть психика. Шок есть шок. Но что-то в этих книгах заставляло по-новому посмотреть на привычный мир.

И вот теперь я находилась в чужом доме, в чужом теле и чувствовала себя на удивление спокойно.

Разум словно перешёл в другое измерение. Вместо паники – холодный анализ. Вместо ужаса – любопытство. Я бы посчитала, что так сказывается многолетняя привычка наполнять свою жизнь интересными вещами: после смерти мужа я научилась находить удовольствие в мелочах, в новых знаниях, в каждом прожитом дне. Переезд в другой мир – чем не приключение?

Но, честно признаться, имелся и другой вариант. Тот, о котором я старалась не думать. Вдруг я вовсе не в другом мире? Вдруг всё это – глубокая кома, плод больного воображения, финальная галлюцинация умирающего мозга? Тогда любая моя реакция была бы одинаково иллюзорна. Паника или спокойствие – какая разница, если это всего лишь сон?

Я тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. Кома так кома. Сон так сон. Мне тут ребенка искупать надо, а остальное подождет.

Вскоре в импровизированную ванну отправилась Молька. Она настояла на том, чтобы вымыться самостоятельно. Я спорить не стала, подозревая, что ребенку хочется поиграться в теплой водичке. Вот и старенькая деревянная игрушка, лодочка, как-то оказалась в стопке чистого белья.

Оставила ребенку мыло и кастрюлю с горячей водой, из которой ее можно было бы подливать в корыто ковшиком.

Меня немного удивила сила госпожи Брандт. Большую кастрюлю я подняла с такой лёгкостью, словно это была... небольшая кастрюля. Кто знает, может, все не так уж и плохо с этим телом?

Глава 4

Эх, были бы сейчас на мне мои любимые аккуратненькие смарт-часики, измеряющие артериальное давление и количество шагов за день, в первом случае они бы показали что-то запредельно заоблачно-пугающее. А во втором – нечто мизерное.

Похоже, Вельта Брандт вообще не любила ходить. Ни гулять. Ни прогуливаться. Ни заниматься шоппингом. Ни даже просто передвигаться, в том числе и по лавке.

К середине дня ноги у меня гудели, словно я пробежала марафон. Грудь заваливалась вперёд, попа тянула назад. Прошло несколько часов, как я в этом теле, а мне уже очень хочется в себя, родную. И за что мне это? За какие грехи? Бедные полные люди! Как они справляются с повседневными делами?

Я вернулась в лавку, ожидая, пока Молька не потратит всю горячую воду, осмотрелась и с прискорбием отметила, что лучшие годы в этом мире мне предстоит потратить на уборку лавки «Артефакты Вельты Брандт».

Всё-таки насчёт клининга нужно уточнить. Вдруг здесь обитают маленькие юркие существа, способные передвигаться по потолку и стенам, и отмывать застарелую грязь с балок, полок и паркета.

При этом паркет в лавке был неплохим. Кажется, раньше на полу были видны красивые узоры из тщательно пригнанных планок разного цвета. Я содрогалась при мысли, что восстанавливать былую красоту мне придётся своими руками. Однако мысль о том, чтобы жить в грязи, пугала меня намного больше. Опять же нынешнему вместилищу моей души требовалось побольше движения. Швабру в руки, щётки на ноги – и занимайся хоть балетом, хоть гимнастикой, хоть йогой.

Тем не менее в лавку могли прийти клиенты. Короткий перерыв, который мы с Молькой взяли на поесть и помыться, закончился. Я осторожно высунулась из двери, перевернула табличку на «открыто» и воровато огляделась.

Торговля на улице Девятихвостых лис – именно так назывался длинный двойной ряд магазинчиков и лавочек в центре одного из районов Бергхайма, – шла вовсю. Глаза мои уже немного привыкли к солнцу на кухне. Поэтому я смогла рассмотреть ближайšie к «Артефактам» торговые точки.

Напротив находилась посудная лавка. Медные сковородки и прочая утварь, развешанная под навесом, весело позвякивала на ветерке. Откуда-то тянуло ароматным свежим хлебом. Ага, из пекарни слева. Очень удобно. Утренний каравай мне понравился. Правда, на углеводах не похудеешь. Так, Валентина Петровна, в ближайшее время разработайте, пожалуйста, диету, подходящую для Вельты Брандт.

Когда-то мне тоже пришлось сбрасывать вес, после операции на голеностоп. Вроде бы я все помнила. Главное, найти продукты.

Справа расположился книжный магазинчик. У меня аж руки зачесались немедленно проверить его ассортимент.

Сразу как-то взгрустнулось. Вспомнилась моя домашняя библиотека. Собрание сочинений Вальтера Скотта и Диккенса, Шекспир, Теккереи и Джейн Остин. Уильям Блейк и, кто бы мог подумать, целый шкаф английского детектива, начиная с Конана Дойля и заканчивая современными авторами. Неужели я больше их не перечитаю?

Вот об этом жалелось больше всего. Не о коллекции антиквариата Димы, на которую облизывались торговцы редкостями (пара вещей спасла меня от голода в лихие девяностые, но больше я ничего не продавала). Даже о моём весьма изысканном дорогом гардеробе а-ля «элегантная старость» я не вспоминала с такой горечью, как о книгах. А ведь собирала его по круплицам.

Знать бы еще, как сложится жизнь у кошки Дуси и ее котят. Но о них я почти не переживала. Сердобольная Зоя Марковна о них позаботится. Дусю она любит, даже котенка для себя выбрала. Пристроит и малышей, и маму.

Высунувшись ещё больше, я убедилась, что в одном ряду с моей лавкой (уже моей?) находился магазин садового инвентаря. С другой стороны помещение пустовало. «Продаётся», – гласила табличка на двери.

Ещё раз подивилась тому, что в новом для себя мире умею читать и писать. При этом я прекрасно осознавала, что говорю на другом языке. Мозг, правда, поскрипывал и жаловался на когнитивный диссонанс. И я как-то уж поняла, что буквы, возникшие перед глазами, словно интерфейс терминала, были русскими. Только золотистые значки почти на периферии взгляда были мне незнакомы.

– Тётушка! – услышала я за спиной и вернулась в лавку. Молька уже поднялась наверх и свесилась со второго этажа. Её влажные волосы оказались более светлыми, чем до мытья. – Я все! Чистая-чистая! Пальцы только скукожились.

– Иди в спальню, – строго велела я. – Здесь сквозняк. Простудишься. Я сейчас поднимусь и заплету косички. Жаль только, посушиться нечем.

– А я знаю! А я знаю, как быстро высушить волосы! – весело затанцевала босая мелкая.

– Всё равно пока накрой голову полотенцем.

– А все полотенца грязные, – наябедничал ребёнок.

– Ну чем-нибудь прикрой, хоть тряпкой какой-нибудь. И обуйся!

Когда я поднялась наверх, Молька показала мне очередной глиняный кругляш с голубоватым камешком внутри.

– Артефакт для сушки волос? – догадалась я. – Разряженный.

– На один раз хватит. Ты не будешь ругаться, что я его взяла? – вдруг напряглась Молька.

– Ты раньше не разрешала. Просто ты сказала, что нужно посушиться. Я и взяла. А раньше не брала.

– Хорошо-хорошо, – успокоила я ребёнка. – Бери всё что хочешь. Всё что нужно, – уточнила я. – Но только не для баловства, поняла?

Молька радостно запрыгала на своей кровати. И ведь именно для баловства что-нибудь и найдет. Нужно уточнить, все ли артефакты безопасны.

Щётка для волос у Вельты была хороша. Тяжёлая, с плавно изогнутой деревянной ручкой, она приятно лежала в ладони. Щетина оказалась натуральной, свиной, упругой и частой. Ручка сгладилась от частых прикосновений. У основания ручки в дереве были вырезаны какие-то непонятные значки, складывавшиеся в замысловатый узор, похожий то ли на вязь, то ли на руны. Хорошая вещь, добротная. Такой расчёсываться – одно удовольствие.

Однако я хорошо знала, что значит привести в порядок тонкие детские волосики после купания грубым мылом. Много лет проработав вожатой в пионерских лагерях, я сделалась специалистом в сложном искусстве распутывания куделей и зачёсов. Это уже потом, с появлением ополаскивателей, бальзамов и кондиционеров, подобные проблемы ушли в прошлое. А тогда приходилось бережно вытягивать из спутанного куделя каждый волосок, чтобы не сделать больно и не оставить ребёнка лысым.

Помню очереди девочек к «Валентине Петровне, которая не так больно дерет, как Агата Васильевна». Старые добрые советские времена.

Но с Молькой всё пошло на удивление гладко. Стоило мне сделать одно движение от головы до кончиков волос, как все «запутанки» тут же распутывались.

«Тоже артефакт», – мысленно пришла к выводу я. А ведь удобно. Так и технологии развивать особой необходимости нет. Магия. Интересно, а какой здесь примерно год, если соотносить с нашим временем? На Средневековье не очень похоже, слишком чисто и все удобно налажено. Хотя что мы знаем о Средневековье?

Век восемнадцатый? Кажется, в толпе покупателей на улице я видела жителей Бергхайма в напудренных париках. И мужчин и женщин. Впрочем, это ни о чём не говорило. Вдруг тут у них ежегодный фестиваль старинной музыки?

Одежду, которую носила Вельта, тоже трудно было назвать характерной для какой-то определённой эпохи. Разве что бельё удобное, видимо, пока не изобрели. Впрочем, для полной женщины, такой как Вель, именно панталоны как раз и подходили – меньше бёдра будут натираться.

– Так, а теперь давай посмотрим твой артефакт в работе, – предложила я.

Молька кивнула... и просто провела кончиками пальцев по глиняному кругляшу, слева направо, полукругом по часовой стрелке. Я постаралась запомнить её движение. Значит, так артефакты включаются. А выключаются, видимо, обратным движением, как горельный камень на плите.

Внезапно из артефакта подул горячим воздухом. И весьма сильно. Молька водила им вдоль каждой прядки. Её, уже сухие, волосы на глазах распушились, превратившись в облачко. Я ещё раз прошла по ним щёткой и переплела их, прядка за прядкой, в красивый колосок.

– Ва-а-а... – восхищённо протянула девчужка, осторожно разглядывая себя в старом настольном зеркале. – Как красиво! А где ты этому научилась?

Я неопределённо помахала рукой в воздухе. Дескать, само как-то в голову вколотилось, когда я приложилась ею о пол при падении.

– А ты сама? – укоризненно напомнила Молька, оторвавшись от созерцания своей новой причёски. – Тётушка, у тебя волосы мокрые. Простудишься.

Я провела рукой по голове. И правда, косы влажные ещё.

– Да ничего, – отмахнулась я. – Мне не привыкать. Лучше сохраним заряд артефакта на следующий раз. Неизвестно ещё, когда я заново научусь их заряжать.

– Нет уж, – Молька нахмурилась, сложив руки на груди, и вдруг стала похожа на маленькую наседку. – Если ты заболеешь, мне придётся тебя выхаживать. И доктору платить. А это дорого. Садись, тебя высушу я.

Я улыбнулась про себя. Как это мило – ребёнок заботится о тётушке, которая ещё пару часов назад была для неё источником страха и вечных упрёков. Молька протянула руку к артефакту, но я её остановила:

– Дай-ка я сама попробую. Хочу запомнить.

Она кивнула и вручила мне глиняный кругляш.

Я повторила её движение – провела кончиками пальцев слева направо, полукругом по часовой стрелке. Артефакт отозвался сразу, из него потянуло тёплым воздухом. Я осторожно водила им вдоль одной косы, потом другой, чувствуя, как влага уходит, а волосы становятся лёгкими. Потом отдала артефакт Мольке. Пусть почувствует себя нужной.

Распустив косы, я провела по ним щёткой. От влаги они закучерявились. Волосы – длинные, густые, с красивым каштановым отливом, – пожалуй, были главным достоянием Вельты Брандт. Настоящим богатством.

– Ты очень красивая, – торжественно сказала Молька, глядя на меня почти с любовью.

– А стану ещё лучше, – улыбнулась я. – Кстати, о докторе. Ты ведь кого-то позвала, когда мне стало плохо.

Молька кивнула:

– Доктора Форфензее, лекаря, – подтвердила она. – Но он спал. Опять его, наверное, пациенты напоили.

– И сколько он так спит обычно, не знаешь?

Девочка пожала плечами:

– Когда полдня, когда пару часов.

Только доктора-алкоголика нам не хватало. Надеюсь, с похмелья ему не захочется тащиться в грязную лавку не особо платёжеспособной пациентки.

И только я об этом подумала, как снизу донёсся голос:

– Фрава Брандт! Я здесь!

Доктор Форфензее, подтвердила Молька виноватым кивком.

– Иду! – крикнула я в ответ, немного дав петуха.

Почему-то от звуков голоса лекаря я вся зачесалась. Очевидно, лечиться Вельта Брандт любила не больше, чем мыться.

В лавке, с заметным любопытством крутя головой по сторонам, стоял высокий худощавый мужчина, уже не молодых, но ещё не преклонных лет. Одет он был в... скажем так, длинный чёрный сюртук с лапами, как у фрака. Пышное жабо подпирало острый кадык, а из кружевных манжет торчали бледные руки с тонкими пальцами, настолько длинными и подвижными, что казалось, будто лекарь постоянно считывает ими некие воздушные флюиды.

Короткие... бриджи?... переходили в... гольфы? Туфли на каблуке были украшены пряжками с квадратными самоцветами или стекляшками.

Волосы лекарь уложил в крысиный хвостик, на высоком лбу красовались глубокие залысины.

– О моя прекрасная пава! – воскликнул Форфензее, увидев меня на лестнице. При этом у меня ощутимо зазвенело в ушах, а лицо ощутимо перекосило без всякого апоплексического удара. – Душистый цветок моего сердца! Вы меня звали? На что жалуетесь?

– Уже ни на что, – дипломатично сообщила я. – Ложная тревога... э-э-э... голова разболелась.

Форфензее с упрёком пропел что-то в стиле: «голова, конечно, предмет тёмный и исследованию не подлежит, но не могли бы вы проследовать в спальню и, как полагается, прилечь на постель и расстегнуть корсет». При этом лекарь плотоядно ощупывал взглядом обильную грудь Вельты Брандт в вырезе блузы.

– Пожалуй... нет, – отказалась я, усевшись на уже ставший родным стул.

Форфензее немного огорчился и покачал головой. Однако потом жестом фокусника извлёк из саквояжа нечто, напоминающее стетоскоп (который для меня был подсвечен уже привычным голубоватым сиянием, выдававшим особый артефакт). Доктор с большой готовностью приложил его к моей груди и склонился над ней сам, так что мне пришлось немного изогнуться.

– О дивная фрава Брандт, – пропыхтел Форфензее из неудобной позы. – Вы благоухаете как роза.

Я с трудом сдержала удивленно-чесночный «ик». Но догадалась, что мои миазмы теряются на фоне перегарного выхлопа лекаря. Потом, однако, выяснилось, что доктор говорит о запахе лаванды.

– Вы здоровы и прекрасны как всегда, – расшаркался Форфензее и уставился на меня в ожидании.

«Да? А аритмия не в счет? Вот же как... некстати», – подумала я, понимая, что доктору нужно заплатить.

Выбрасывать на ветер полсеребрушки не хотелось. Я рассчитывала потратить монетку в трактире, чтобы себя, как говорится, показать и на других посмотреть.

– Э-э-э... Любезнейший доктор, – протянула я. – Как раз в связи с недомоганием... определённые издержки... временная потеря работоспособности... Вы не могли бы записать стоимость визита на мой счёт? Я непременно рассчитаюсь в самом ближайшем будущем.

К моему огромному удивлению, Форфензее просто таки засиял от радости:

– Ах фрава Брандт, моя лукавая фея! Вы наконец снизошли до меня, госпожа искусительница! – возопил он, ласково грозя мне длинным бледным пальцем. – Тогда с вас ужин с

вином и... десертом, моя милая очаровательница. Я же говорил, что вы не устоите пред моими чарами!

Тщательно сдерживаемый «ик» наконец вырвался наружу. Это во что я сейчас влипла? Чего наобещала?

– Господин Форфензее, – возмущённо начала я, – вы не так меня поняли...

Но доктор, подпрыгивая словно кузнечик-переросток, уже доскакал до двери и, помахав на прощание, исчез в сумерках улицы.

– Ложки-матрёшки! – вырвалось у меня. – И что теперь делать? Он что, действительно будет ждать, что я накрою ему поляну и предложу ву ле ву куше авек муа? (***не хотите ли переспать? франц.***)

Нд-а. На каждую красоту найдётся свой ценитель. Так говаривал мой сосед Михаил Михайлович Кропоткин, присасываясь к моей морщинистой ручке у нашего подъезда после прогулки с собачкой Жулей. Михаил Михайлович был вдов, и во мне, как я догадывалась, его привлекала моя трёхкомнатная квартира.

– А что такое «вуля ву куше»? – заинтересовалась подслушавшая нас Молька.

Ну почему дети всегда лучше всего запоминают то, что им запоминать не по возрасту?

– Это значит, что мы сегодня идём в трактир, – сказала я, с помощью глубокого дыхания стараясь успокоиться после визита доктора.

– Ура! – завопил ребёнок. – Мне чур сосиску! Две!

– Три, если съешь, – пообещала я.

– А я одну домой заберу!

Ну вот. Первый, можно сказать, выход в свет. Расточительно, конечно, но мне в любом случае придётся продать что-то из артефактов. А всякого рода заведения общественного питания – это лучшее место для налаживания социальных связей.

Мне нужны люди. Люди со знаниями. Люди, которых можно нанять на мелкую подработку. У которых можно попросить об услуге. Не факт, что я встречусь с ними в трактире, в который ходила Вель, но с чего-то же нужно начинать. Необходимы связи, которых у Вельты почему-то не было.

К сожалению, Молька не смогла припомнить ни одного друга или хорошего приятеля тёти. Был некий герн Бренц, с которым госпожа артефакторша любила выпивать. В результате осторожных расспросов выяснилось, что с ним тётушку связывали чистые, целомудренные алкогольные отношения: посидеть, поуважать друг друга и разойтись без всяких там «десертов».

А ещё госпожа Брандт неожиданно оказалась... вдовой. Подробности смерти герна Брандта Молька рассказывать не захотела, а расстроилась и при упоминании дяди чуть ли не расплакалась. Я оставила её в покое.

Вдова. Надо же. Поставила себе мысленную пометочку: найти документы Вель. Свидетельство о браке, например. О смерти мужа. Бумаги на дом. Завещание, в конце концов.

Хотелось поскорее заработать денег. Рассчитаться с любвеобильным доктором, купить краску для стен и моющие средства. А там посмотрим.

Глава 5

Прежде чем отправиться в трактир, я закипятила воду в кастрюле и перелила её в большой глиняный, только что отмытый до первоначального цвета кувшин.

Поймала себя на мысли, что с удовольствием хлебнула бы кипятка. Просто вот взяла бы и с остервенением вылебала кувшин до дна. Чёрт бы побрал это похмелье. Разумеется, холодненькая водопроводная водичка манила и соблазняла гораздо больше. Но в её чистоте я сомневалась. В неочищенной воде без дезинфекции ещё тот зоопарк обитать может.

С трудом дождалась, когда вода немного остыла, и попила ещё. После обеда головная боль немного отступила, но очередной глоток принес слабость, головокружение и неустойчивость в ногах.

«Как же жаль, – досадовала я, – что мне не пришло в голову выпросить у доктора Фурфур что-нибудь от извечной утренней болячки любителей горячительных напитков!»

И лекарство от давления не помешало бы. Ведь то, как я оказалась в теле Вельты, свидетельствовало об опасном состоянии, в котором она находилась. Да, сейчас мне было легче. Возможно, я, Валентина Измайлова, привнесла в умирающее тело немного своего здоровья. Не железного, но достаточно крепкого.

Однако выпивка, лишний вес и малоподвижный образ жизни ни к чему хорошему не приводят.

Как же мне плохо! Этак у нас прогулка сорвётся. Пара яиц в холодильном шкафчике осталась, конечно, а стратегические планы можно и отложить. Но не хочется сидеть дома. Мне нужно поскорее узнать, что это за город такой и какое место, чисто потенциально, я могу в нем занять. Ох, голова!

И тут до меня внезапно дошло. Мама дорогая! Учитывая, сколько воды я выпила, борясь с сушняком, у меня наверняка случился электролитический дисбаланс. Говоря нормальным языком – из организма вымылись необходимые ему соли. Да-да, потому и сердечко странно подёргивается.

Сероватая соль у Вельты хранилась в довольно грязной солонке. Молька поискала в кладовке, но других запасов не нашла.

Поборов брезгливость, я размешала ложечку соли в тёплой воде, подождала, пока осядут на дно мелкие вкрапления, и выпила сей лечебный нектар залпом. Почти сразу стало легче.

Но я знала, что список оздоровительных мероприятий нужно расширить. Хорошо бы достать озёрной или вулканической соли. Там больше минералов и есть необходимые для меня калий и магний.

Впрочем, мечтать не вредно. И вообще, вот сейчас как раз меня с новой силой может долбануть давление. Соль задерживает жидкость в организме, сердцу приходится качать больший объем крови по сосудам, и на них растёт нагрузка. Дилемма. Однако здесь наверняка есть какие-нибудь природные травяные средства для борьбы с гипертонией.

Я понятия не имела, что мне искать. Разве что у Вельты имелся какой-нибудь гипотензивный артефакт. Никогда не страдала от «полнокровия», скорее наоборот.

Молька сказала, что знает, где находится лавка травника. Но только сейчас она наверняка уже закрыта. Я решила, что буду пить воду по старому рецепту: один кристаллик соли под язык на четверть стакана. Сберегу электролиты и избавлюсь от обезвоживания.

Мы заперли лавку и двинулись по улице Девятихвостых лис. Лавочки на ней действительно закрывались. Владелица пекарни, приятная женщина лет сорока, очевидно, как раз та самая фрава Шмидт, вынесла остатки сегодняшней и вчерашней выпечки на наружный прилавок и распродала её по одному-два медяка.

Увидев нас с мелкой, она бдительно прищурилась. Заговорила сначала не со мной, а с Молькой:

– Привет, Молли. Будешь булочку с изюмом? Утренняя, почти свежая.

Молька вопросительно подняла глаза на меня.

– Возьми, – разрешила я, лихорадочно соображая, где лежат деньги. Ах да, в потёртом кожаном кошеле, который висит на поясе.

Молька взяла у торговки большую булку-улитку.

Владелица пекарни наконец удостоила меня презрительным взглядом:

– А ты, Вельта... если узнаю, что ты опять у ребёнка хлеб отобрала, пожалуюсь в городской совет, – негромко проговорила торговка.

Я просто с лёгким недоумением на лице подняла брови, выудила медяк из кошелька и молча положила его на прилавок. На всякий случай опустила взгляд и проверила, правильную ли монету дала. Правильную, с профилем кудрявого дядьки.

Сказать в ответ было нечего. Лишь чувство вины от поступков госпожи Брандт отяготило меня ещё на пару тонн. Ну вот почему косячила она, а отвечать мне?

– Ешь булочку, – с умилением велела мелкой фрава Шмидт. Я заметила, что на медяк она покосилась с удивлением, но сделала вид, что так всё и задумывалось.

– Потом, – вежливо ответила Молька. – Мы с тётушкой хорошо пообедали, я не голодная. Я вашу булочку после трактира съем.

Мне только сейчас пришло в голову, что племянницу Вельты в трактир могут и не пустить. Но фрава Шмидт ничего вроде «И куда же ты тащишь несовершеннолетнего ребенка, падшая женщина?» не сказала, только с сомнением фыркнула.

– Молька, а тебе туда точно можно? – уточнила я, когда мы отошли от пекарни.

– Конечно, – мелкая украдкой выковыривала из булки изюм. – Я туда часто хожу. Трактирщик герн Бек не любит, когда посетители за столиками засыпают и места держат, и всех совсем пьяных выставляет на улицу. Это сейчас тепло стало, а зимой холодно, можно замерзнуть. Вот я и ходила тебя забирать. Ты же терпеть не можешь, когда тебе в лицо ледяной водой плещут. Зато просыпаешься – ненадолго, но до дома дойти хватает. Правда, ругаешься, – Молька чуть вздрогнула, перестав улыбаться. – Я, когда ты упала, тоже хотела тебе в лицо водой плеснуть, но побоялась. Ты очень страшно хрипела. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Лучше, – уклончиво ответила я.

– Ура! – обрадовалась Молька.

Она бережно уложила за пазуху вязаной кофты (того еще перекошенного кошлатого дива) свою драгоценную булку и шла рядом со мной. Ну как шла... от избытка чувств то обегала вокруг меня, то пританцовывала, то принималась прыгать на одной ножке по большим булыжникам мостовой, стараясь не наступать на мелкие.

Я же жадно впитывала визуальную информацию.

Бергхайм торопился домой.

Лавочники сворачивали навесы, закрывали ставни. Из посудной лавки напротив вышел молодой парень в засаленном фартуке с тяжёлой связкой ключей, явный подневольный приказчик. Равнодушно кивнул Мольке и на меня посмотрел с тем же выражением, что и булочница: с брезгливостью пополам с жалостью. Я машинально поправила платок на голове и одёрнула юбку. Чистую, между прочим, лучшую, что нашлась в шкафу.

Мимо прошла женщина с корзиной, прижимая к груди явно тяжелый узелок. На ней был выдавший виды серый плащ, и чепец, из-под которого выбивались седые пряди. Она что-то буркнула в мою сторону, но я не разобрала слов. Молька дёрнула меня за рукав:

– Не обращай внимания, тётушка. Это тётушка Кёних, разменщица. Она на всех ворчит.

Двое молоденьких подмастерьев в кожаных фартуках, перепачканных чем-то чёрным, сажай или типографской краской, – дальше по улице виднелась табличка «Книгопечатание

герна Краузе. Труд всей вашей жизни всего за один золотой» – тащили длинный стол, из которого то и дело выпадали набитые бумагой ящики.

Пожилой мужчина с метлой волок за собой тележку, доверху набитую мусором. Девушка лет шестнадцати в чепце горничной пронеслась мимо так быстро, что юбка задралась до самых подвязок. Мальчишки поставили стул и с удовольствием следили за ней взглядами, пока их не окликнул высунувшийся из дверей хозяин типографии.

Примерно через четверть часа, который мы с Молькой потратили на обсуждение преимуществ имбирных пряников перед медовыми коврижками, улица Лис вывела нас к городской площади. Мостовая здесь сменилась аккуратной каменной плиткой, уложенной веером, а по периметру стояли чугунные фонари. В центре площади бил фонтан в виде трех каменных лисиц с девятью хвостами, каждая извергала воду из раскрытой пасти.

– Это в честь основания города, – с благоговением пояснила Молька. – В школе нам рассказывали, что в старину здесь жили три волшебные лисицы, а потом они научили добывать магию лунного света, и у каждой выросло по девять хвостов. Лисы подсказали людям, где искать воду. Когда люди построили город, они назвали улицу в их честь.

Вдоль фонтана, неспешно, прохаживались дамы и господа: женщины в платьях с узкими корсажами, но широкими юбками, в причудливых крошечных шляпках с перьями, вуалями и цветами, и мужчины в длинных сюртуках, камзолах, при тростях с набалдашниками. Напудренные парики или просто завитые волосы напомнили мне восемнадцатый век. Что ж, я почти угадала с датой.

Они негромко говорили, приглушённо смеялись, дамы обмахивались веерами, и весь этот круг двигался вокруг фонтана. Играл оркестр: скрипки, виолончели, флейты.

Мы остановились у самого края площади. Между нами и гуляющей публикой была невидимая черта, которую я не решилась бы переступить. Но и отсюда было всё видно. Молька застыла, ахнув:

– Тётушка, смотри, драндулеты!

Слева от фонтана виднелись несколько открытых экипажей без лошадей, отдаленно похожих на первые автомобили конца девятнадцатого века с лакированными кузовами и кожаными сиденьями. Они порядком выбивались из общей картины.

У входа на площадь стояли двое мужчин в тёмно-синих мундирах с медными пуговицами, белых перевязях и треуголках. Они застыли, как изваяния, но глаза их внимательно следили за гуляющей публикой. Один из них – молодой человек с узким лицом и светлыми усами – перевёл недовольный взгляд на нас.

– Мамаша, чего-то хотели?

– Нет, сынок, – доброжелательно отозвалась я. – Мы просто смотрим.

Какая я тебе мамаша? Хотя в таком виде да вечером...

– Тогда проходите мимо, не задерживайтесь. Не положено. Это Белый город, сюда чернь не пускают.

– Уже уходим.

Не будем нервировать почтенную публику. И так понятно, что нам здесь не место. Оркестр заиграл что-то менее торжественное. Несколько пар начали танцевать. Дамы кружились в своих пышных юбках и приседали, мужчины поддерживали их за талии.

– Тётушка, – Молька прижалась ко мне. – А мы когда-нибудь тоже так сможем? Ну, не просто... смотреть, а танцевать, гулять, музыку слушать? Чтобы нас не выгнали.

Я обняла её за плечи.

– Сможем, – сказала я тихо. – Обязательно сможем. Только немного подожди.

– Скоро праздник Великой луны, – вдруг слегка виноватым тоном, словно извиняясь за грубость молодого коллеги, обратился к нам второй гвардеец, постарше, – для горожан он пройдет на берегу реки Фуксбах. Будут танцы, ярмарка и огненное шоу.

Хотелось буркнуть «И на том спасибо». Но, естественно, делать так я не стала. Поблагодарила гвардейцев и потянула за собой раскрасневшуюся от восторга Мольку.

– А ты кое-что не заметила! – Молька снова запрыгала вокруг меня, хихикая.

Ох уж эти дети. Стоит сказать доброе слово – и ты уже их лучший друг. Достаточно покормить как следует – и готово: попрыгунчик, неиссякаемая батарейка. И где только они энергию берут? Зато потом, когда им исполняется лет по четырнадцать, ты вдруг обнаруживаешь рядом с собой маленького злобного монстрика. Ершистого и несчастного одновременно. И вот тогда важно принять его со всеми потрохами. Найти тропинку к сердцу, убедить, что всегда будешь на его стороне.

Да, верно, своих детей у меня не было. Зато я набрала колоссальный опыт общения с малышняй в пионерских лагерях. И были еще студенты, которые не только у меня учились, но и меня кое-чему научили. Те же дети, только с горой давления и родительских ожиданий на плечах, которые выдерживал не каждый.

– Понятия не имею, что я такого не заметила, – с невинным видом «призналась» я.

Если не считать, что меня явно вели какой-то очень долгой дорогой. Настоящая Вель обходными путями ходить бы не стала. Очень не хочется удлинять маршрут, когда трубы горят и инсулинорезистентность подстёгивает.

– А мы с тобой через площадь пошли, а не напрямую! – выпалила Молька. – Ха-ха-ха! Ложки-ватрушки! Это чтобы ты красивое увидела! А короткой дорогой мы бы за пять минут дошли!

– Это какая же ты у меня хитрюга! – «удивилась я». – А я и не знала. Иду себе иду, ничего не подозреваю. А оно вона как. Спасибо, Молли. Было красиво.

Кстати, чувствовала я себя намного лучше. Наверное, сказала хорошая пешая прогулка. Хотя ноги Вельты со мной не согласились бы. Будь она сейчас в этом теле, она бы узнала о многих мышцах в конечностях, о существовании которых даже не подозревала.

Порадовавшись, что обвела тётушку вокруг пальца, Молька с радостью поведала мне, что скоро действительно большой праздник и школьные каникулы.

– А чего ты радуешься? – спросила я строго. – Ты же всё равно в школу не ходишь.

– Буду. Буду ходить, – клятвенно пообещал ребёнок. – Без школы скучно. Там мои друзья. Правда... – Молька замялась, покрепче сжав мою руку. – Некоторые ребята дразнятся. Говорят, что я нищенка. А ты... пьянь подзаборная.

Я смущённо крикнула. Устами младенцев таки иногда глаголет истина. Но подавать её в такой манере – свинство. Дети есть дети, они повторяют за взрослыми. Значит, кто-то из родителей или старших позволил себе такое при ребёнке. А тот принёс в школу.

– И что ты им отвечаешь? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– Ничего, – Молька пожала плечами. – Я сначала плакала. А потом перестала. Ты говорила, что если не обращать внимания, они отстанут. Не отстали, но мне всё равно. У меня есть тётушка. Даже если она... ну, пьёт иногда. Всё равно она моя тётушка и я её люблю.

– Молли, – я остановилась, присела перед ней на корточки, хотя это было нелегко, и заглянула в глаза. – Слушай меня внимательно. Я, может быть, не самая лучшая тётушка в мире. Но я обещаю: я больше не буду пить. И в школу ты пойдёшь нормально одетая и чистенькая. И если кто-то посмеет обзывать тебя нищенкой или меня – пьянью, ты с гордостью объяснишь этому нехорошему человеку, что твоя тетя... В общем, мы потом придумаем, что ты скажешь, хорошо?

Молька медленно кивнула.

– А ты правда пить больше не будешь? – недоверчиво спросила она.

– Правда, – сказала я. – Мне теперь нельзя. У меня здоровье не то. Да и ты меня застыдила.

– Я? – Молька удивилась. – Я ничего такого не говорила!

– Вот именно, – вздохнула я. – Ты ничего не говорила. Но мне стало стыдно, что такой хороший ребёнок вынужден слушать про меня гадости.

Я поднялась, чувствуя, как колени противно хрустнули.

– Ладно, – сказала я бодро. – Хватит болтать. Где там твой трактор?

Молька снова ожила, схватила меня за руку и потащила вперёд.

Глава 6

Мы свернули на тёмную, едва освещённую фонарями улицу. Должно быть, днём она выглядела довольно нарядно. Но сейчас все магазины были закрыты. Молька ткнула в вывеску лавки, мимо которой мы как раз проходили.

– «Сундук предков», «Герн Птусс и дочери» – прочитала я на ней. – Это сюда я носила артефакты на продажу?

Молька кивнула.

– Хозяин здесь Герн Птусс. Он гарпий.

– Кто? Гарпий? Это что ещё за птица?

– Это такой народ, – наставительно пояснила мелкая. – Мы как раз в школе его проходили, прежде чем ты... заболела.

– И что вам про них рассказывали?

Я подошла поближе к окнам лавки. Внутри слабо горели лампы, но было хорошо видно, что лежит на витрине. А лежало там много всего.

Справа зияла пустотой раскрытая шкатулка из чёрного дерева. Сколько я ни вглядывалась, так и не смогла разглядеть дно. От вида шкатулки по спине почему-то забегали холодные мурашки.

На деревянной подставке висел клык на кожаном шнурке, явно не волчий и даже не медвежий – таких больших медведей не бывает. Подобное украшение подошло бы разве великану.

– А их и носят великаны, – важно подтвердила Молька.

– У вас... у нас тут водятся великаны? – почему-то шёпотом спросила я у Мольки.

Та, тоже шёпотом, ответила:

– Горные тролли. Но в город они не ходят. Они немножко... глупые. Но сильные. Добывают горельные камни. Живут в пещерах. Фрава Ромм обещала, что в начале лета нас повезут к ним на экскурсию.

– Кажется, я тебя на эту экскурсию не пушу, – едва слышно пробормотала я, разглядывая клык.

Слева выстроился целый арсенал: кривые ножи с рукоятками из рога, пара коротких копий с навершиями в виде голов неизвестных зверей и один вполне себе солидный арбалет, у которого, впрочем, отсутствовала тетива. А рядом с арбалетом лежала детская погремущка, выточенная из кости и украшенная серебряными колокольчиками.

– Расскажи мне о гарпиях, – попросила я, когда мы двинулись дальше. – Хочу продать герну Птуссу чашу для девичьих слёз. Зачем она нам? И хочу заранее знать, чего мне ожидать от этого... гарпия. Я же ничего не помню.

– Ну... – Молька помялась. – Герн Птусс живёт за мостом. Там живут все гарпии. Там у них свой храм, своя школа. В городе они только торгуют. Их не все... ну, любят. Может, потому что они не дают в долг без... этого... равноценного залога. Они очень богатые, но скупые. Всегда помнят, кто им сколько должен. Учительница фрава Ромм говорила: гарпии потому и разбогатели, что умеют ждать.

Молька помолчала и закончила зловещим низким голосом:

– Они хорошо запоминают лица. Навсегда. И если ты однажды обманул гарпию – лучше уйти в Пустошь и не возвращаться. Потому что гарпии будут ждать. И они тебя найдут.

Увидев, как я испуганно открыла рот, Молька весело рассмеялась:

– Ха-ха-ха! Я тебя снова обманула! Ты такая доверчивая!

– Уф! – выдохнула я. – Ну и страху ты напустила. Что-то уже не хочется сюда возвращаться.

– Герн Птусс нормальный, – заговорила обычным голосом Молька. – У него можно что-нибудь оставить за деньги, а потом забрать.

– Угу, – кивнула я, – заплатив за выкуп минимум в полтора раза дороже. Плавали, знаем. Но деваться нам пока некуда. Тебе нужна новая одежда, мне – книги какие-нибудь, чтобы вспомнить профессию. Да и питаться надо хорошо: свежие фрукты, мясо, овощи. У вас тут есть рынок?

Молька заверила меня, что есть. Большой и красивый. Чего там только нет. В прошлом году продавали больших птиц с огромными хвостами. Хвосты такие, что если птица их раскроет, получается целый ковёр. Правда, пели птицы так себе – орали хуже петухов.

Летом привозят необычные ягоды, от них язык становится зелёным, как трава. Их покупают маги для усиления ауры. И кто-то даже видел на рынке эрцмага, который этой самой ягоды купил целый ящик.

Эрцмаги. Новое словечко. Чуть позже расспрошу о нём Мольку. Но не сейчас – ребёнок и так весь день проработал энциклопедией.

Трактир «У ржавой mortarы» притулился в конце улицы. Дом был сложен из грубого камня, но окна были большими, с крепкими решётками, а дверь – массивной, дубовой, с коваными петлями. Изнутри доносился такой весёлый гул, что сразу становилось ясно: там тепло и сытно. Здоровенный громила на входе мазнул по мне взглядом, а на Мольку вообще не обратил внимания.

У входа в трактир, прямо у двери, была установлена mortarа – почерневшая от времени бронзовая пушка, видимо, та самая, что дала заведению имя. Ствол её изрыли оспины ржавчины, а жерло зияло тёмной пустотой. Молька, разумеется, сразу заглянула в ствол и гугукнула. Вышибала даже не пошевелился, очевидно, привык.

Внутри былолюдно, но свободные столики имелись – у окна и у самой стойки. За стойкой скучал усатый мужик лет пятидесяти. Он напомнил мне доброго Леопольда из советского мультфильма. Только добротой тут и не пахло – достаточно было заглянуть трактирщику в глаза – а пахло мясом, специями и вином.

– А, Вельта, – при виде меня Леопольд, то бишь герн Бек, оживился. – Так и знал, что ты сегодня придёшь. Оставил тебе пирог и бутылку наливки. Никак это Молька с тобой?

– Молли, – сухо поправила я трактирщика. – Называть её Молькой имею право только я. И то я... отвыкаю.

Бек ухмыльнулся, но не обиделся. Перегнулся через стойку и поинтересовался:

– Чего желает фравина Молли?

– Пирог и три сосиски, – пискнула мелкая, немного растерявшись от такого внимания.

– Отличный выбор, фравина!

– Ей пирог, – кивнула я на Мольку, повысив голос, чтобы перекричать шум голосов и звон кружек. – А мне... да, запеченную свиную рульку. Только рульку. С капустой. И... чай.

Шум голосов в трактире внезапно стих. Я осторожно обернулась. Все посетители смотрели на меня. У герна Бека вытянулось лицо.

– Чай? – неверяще переспросил он.

– Кофе? – осторожно предположила я.

Герн Бек моргнул.

– Тётя хотела попросить яблочного сидра, – внезапно вмешалась в разговор Молька. – У неё сегодня голова болит, а завтра важная встреча.

Трактирщик выдохнул, гости заведения вернулись к своим тарелкам и разговорам.

– Да, – сказала я. – И воды, простой воды.

– Пить хочется, а на вино денег не хватает? – подмигнул мне герн Бек.

– Да-да, – быстро закивала я.

– Так я поставлю, на твой счёт запишу.

– Не надо! Денег у меня и завтра не будет. И вообще, я экономлю.

– Кто экономит на выпивке? – удивился трактирщик, протирая стойку не особо свежей тряпкой. – Садись, Вель. Тирра всё принесёт. С тебя один лысый.

Ага, три четверти от полной серебрушки. Наученная Молькой, я наковыряла в кошельке три мелких монеты с профилем носатого господина.

Мы с ребёнком устроились у окна. Я принялась внимательно рассматривать местную публику.

Вот в углу дремлет над кружкой какой-то работяга. Под его столом стоит ящик, явно с инструментами. Куртка из грубой ткани усыпана мелкой древесной стружкой – скорее всего, столяр или плотник.

Чуть дальше беседуют в формате «ты меня уважаешь?» мужики в грубых комбинезонах. На карманах вышита капля воды. Какая-нибудь маленькая конторка водопроводчиков.

За соседним столиком брезгливо морщится от громких голосов худощавый мужчина средних лет. На нём аккуратный, но выдавший виды пиджак, рукава которого испачканы чем-то белым. Под столом предусмотрительно зажат ступнями потёртый портфель. Не иначе как городской учитель.

А ещё тут несколько почтенных бюргеров, которые время от времени окунают носы в огромные кружки с пивом. Кто-то читает газету, кто-то молча ест. Еда на столах выглядит вполне прилично. Вот только в голове у меня странно... свербит, а взгляд то и дело останавливается на винных бутылках над стойкой.

Женский алкоголизм, конечно, излечим, но редко и с большим трудом. Поэтому когда разносчица Тирра принесла еду и сидр, бутылку с ним я сразу отодвинула подальше.

– Может, попробуешь, тётушка? Сидр сладкий, как компот, – предложила Молька, испытующе заглядывая мне в лицо.

– Нет, – слотнув набежавшую во рту слюну, покачала головой я. – Сидр – это тоже алкоголь. Даже если он вкусный. Мне нельзя. И вообще, с какой стати ты меня уговариваешь? Проверяешь?

Молька фыркнула и по-хозяйски подвинула к себе блюдо с пирогом. Я непроизвольно втянула его запах носом. Лучше бы я этого не делала. Пирог с мясом и зеленью выглядел так, будто сам дьявол испёк мне в наказание: из-под румяной, маслянистой корочки сочился прозрачный сок, а из разлома торчали нежные кусочки мяса, присыпанные зеленью.

Внутри всё переворачивалось от желания взять хотя бы кусочек, но я упрямо отводила взгляд. Углеводы – это мгновенный скачок сахара, инсулиновые качели, потенциальные жировые отложения. Я решила: по крайней мере сегодня – без выпечки. Мясо и овощи. И хотя женщинам без углеводов тоже нельзя, попробую разгрузить тело, лишив его на какое-то время мучного, крахмалистого и сладкого.

Рулька была хороша. Тушёная кислая капуста никогда не была моим любимым блюдом, но со специями – я различила красный перец, кориандр и тмин – блюдо зашло на ура. Тем более что у меня с собой была лучшая приправа – голод.

Прогулка взбодрила, и аппетит разыгрался не на шутку. Однако у меня с трудом получалось подавить желание выпить. Пусть не вина, но чего-то сладкого. Сейчас. Срочно! Перед глазами замелькали образы из рекламы: бокалы с шипящей кока-колой, молочные коктейли со сладким сиропом. Организм требовал сахара. Внутри свербело все сильнее. «Сладенького! И немедленно!» – просило тело.

Уф! Надо это выдержать. Позже станет легче. И ещё нужно хорошо поесть. Рулька – то что надо. Это раньше считалось, что от жира мы жиреем. Сейчас он реабилитирован. Главное, не употреблять его с углеводами.

Молька, которая только что хвасталась, что съест весь пирог, слопала три небольших кусочка и теперь ковыряла начинку пальцем.

- Ты же ещё сосиски просила?
- Не-е... – глаза у ребёнка закрывались от сытости. – Давай пирог с собой заберём.
- Конечно заберём.
- И сосиски?
- Куда же мы без них.

Молька успокоилась и перебралась на широкий деревянный подоконник. Там она рассматривала прохожих, пока не заснула, подложив ладони под щеку. Я накрыла её своей шалью, продолжая изучать посетителей и доедать мясо.

Заметила, как за столик под фонарём посреди зала усаживается группа из четырёх человек... гномов? Похоже, я только что встретила здесь альтернативную расу. Ну почему бы нет? Если где-то живут горные тролли, почему бы им не соседствовать с подгорными гномами? Или равнинными гномами? Молька спит, и не у кого попросить о консультации.

Рост самого высокого маленького мужчины не превышал полтора метров. На гостях была вполне себе городская одежда: добротные куртки, жилеты, чистые широкие штаны со множеством карманов. Один, рыжебородый, щеголял в очках с медной оправой. У всех пальцы были окрашены в чёрный, как если бы они работали с металлом.

– Скобянщики пожаловали, – разносчица Тирра забрала у меня пустую тарелку из-под капусты и устало проговорила. – Эти до утра засидятся.

Я посочувствовала ей вслух, и Тирра удивлённо на меня поглядела, чуть отстранясь, словно прикидывая, я ли это. Похоже, толстая Вель особой эмпатией не отличалась. Хотя Тирра была со мной любезна. Впрочем, она была любезна со всеми. Даже со скобянщиками, которые тут же забросали её заказами. И как она их запоминала без записей?

Напротив меня на пустой стул внезапно плюхнулся... типичный представитель маргинального сообщества. Будь я сейчас в своём мире, я бы решила, что передо мной забулдыга Эдик из соседнего дома: заношенная куртка, разбитые вдрызг ботинки и драные снизу брюки на подтяжках. Коричневая от попок морда, глаза-щёлочки в набрякших веках. Со временем все пропитые насквозь мужики становятся на одно лицо. Бабы тоже.

– Ве-е-ель, – проблеяло существо, пытаясь сфокусировать на мне взгляд.

– Ты кто? – вырвалось у меня.

– Дожили, – забулдыга с грустью покачал головой. – Меня не узнаёт моя лучшая подруга, можно сказать, сестра по духу. А ведь как хорошо мы с тобой вчера посидели?

– Тамбовский волк тебе сестра, – процедила я, догадавшись, что передо мной тот самый герн Бренц, осквернивший угол моей лавки содержимым желудка.

– Дай на наливку, Вель, – потребовал «братец».

– Обойдётся. Ты себя в зеркале видел?

– Сегодня плохой день, – пожаловался пьяница. – Только ты можешь меня спасти.

– Денег нет, – отрезала я. – Иди домой.

– Дай хоть поем.

Бренц нагло притянул к себе тарелку со свиной рулькой и вгрызся в остатки мяса.

– Тварь ты, Толстая Вель, – с той же поэтической грустью констатировал Бренц. – Я к тебе со всей душой, а ты медяк зажала.

Тварь? Кто? Я?! Я вдруг почувствовала, как против воли у меня съезжаются к переносице брови, выпучиваются глаза и выдвигается вперёд нижняя челюсть с оттопыренной губой. Зрелище, учитывая специфическую внешность Вельты, держу пари, было весьма неприятным, пугающим. Герн Бренц, похоже, как раз и испугался. И не на шутку. Бросив еду, он весь как-то сполз под стол, выставив вперёд грязные ладони.

– Вель, ты чего? Злишься на что-то? Да что я сделал-то!? Вель, не надо! Меня сегодня уже отлупили! А за что – не помню! Ты из-за мяса? Я заплачу!

«Стоп, Валентина, – сказала я самой себе. – Немедленно успокойся. Это не ты, это Толстая Вель. Приди в себя. Дыши. С каких пор всякое отребье способно довести тебя до бешенства?»

Так, реакция явно не моя. Я начала медленно вдыхать и выдыхать животом. Это было довольно сложно, поскольку живот Вельты представлял собой незыблемую глыбу жира. Но мне всё-таки помогло.

– Злюсь за дело! Мне плевать, помнишь ты или нет! – приподнявшись и перегнувшись через стол, я так громко гаркнула в лицо бывшего собутыльника, что на меня снова обернулся весь зал. Герн Бек явно забавлялся сценой нашей перебранки, еще больше став похожим на Леопольда. – Так вот! Завтра жду тебя у себя в девять, нет – в восемь ноль-ноль.

Герн Бренц снова умоляюще сложил руки:

– Ты чего? Сбрендил? Я же раньше полудня никогда не просыпаюсь.

– А ты проснись!

Руки снова непроизвольно сжались в кулаки. Но у Бренца вид сделался таким несчастным, что я сжалась. И какой толк стращать бывшего собутыльника, если он всё равно не проснётся?

– Ладно, придёшь в десять. С собой иметь ведро и швабру. Поможешь прибраться в лавке.

– Я? – несказанно удивился пьянчуга.

– Ты. Или кто там ещё у меня в углу наблевал, бутылки раскидал и одну разбил?

– Я? – с ужасом повторил Бренц.

– Ты-ты.

Бренц понял, что сегодня ему не прилетит, выпрямился и пробурчал:

– И что на тебя нашло только? Вот же вы... бабы. Все как одна от Луны зависимые. То ластитесь, то зубами щёлкаете.

– Я тебе порассуждаю, – уже тоном профессора Измайловой предупредила я. – Чтобы был как штык. Не явишься – всё тебе припомню. Найду даже на Луне.

– Ладно, – буркнул собутыльник и... как-то испарился из-за стола, словно его и не было.

Правда, незаметно прихватив с собой бутылку сидра. Но переживать по этому поводу я не стала. Покосилась на свои, пудовыми гири лежащие на столе, кулаки. Сначала на левый, потом на правый. Да уж, таким точно убить можно. Вспомнилось, как утром это тело без труда подняло корыто литров на восемьдесят, полное грязной воды. Откуда же у Вель такая сила?

Текущее действие: сопряжение.

10%... 12%... 17%...

Ощущение было, будто я смотрю на экран прозрачных часов со светящимися цифрами. Как раз такие часы на семидесятипятилетие мне подарила Зоя Марковна. Казалось, что цифры на них висят прямо в воздухе.

Я видела перед собой голографический... экран? терминал? Стоило сдвинуть взгляд, и он перемещался вместе с ним.

18%... 19%...

Сопряжение не выполнено. Доступ к базе эгрегора не осуществлён.

Причина: конфликт души экстрактора и тела акцептора. Уровень конфликта – критический.

Дальнейший язык интерфейса, подтвердить/изменить: русский... синдарин... оркский... гномий... наречие троллей...

– Русский, – ошеломлённо выдавила я.

Ну, на синдарине пару фраз свяжу, конечно. Я все-таки столько лет преподавала английскую литературу. «Сильмариллион» наизусть помню (шучу, никто никогда не выучит Толкина наизусть), но орский... Хорошо хоть клингонского в списке нет.

Текущий язык: русский

Текущее задание: устранить конфликт

Дано 11 дней на устранение конфликта. В противном случае неизбежен разрыв симбиоза души и тела

Время пошло: 10 дней 23 часа 59 минут...Что за чертовщина?!10 дней 23 часа 58 минут...

Чтобы свернуть меню, моргните три раза. Чтобы развернуть меню, осознанно переместите взгляд слева направо.

Так, стоп! Какой такой конфликт? Какие такие одиннадцать дней? Что за разрыв? Я что, снова умру?!

Глава 7

Я три раза хлопнула глазами – надпись исчезла. Поводила взглядом влево-вправо – надпись появилась. Да что же это такое? Я думала, что попала в обычный (ладно, необычный, с магией) мир. А это... компьютерная игра какая-то?

И что мне делать? Как устранить конфликт души и тела? И не чувствую я как-то этого самого конфликта. Да в этом теле мне неудобно. Малейшая нагрузка – болят ноги, плечи и спина. А тут ещё что-то почки начали беспокоить, что, впрочем, не удивительно, учитывая анамнез Вельты. Странно ещё, что у неё все органы не отказали, с такой-то любовью к наливке.

Признаю, мне здесь тяжело. Тело вроде слушается, но мозг пока не адаптировался к новым размерам. При ходьбе меня раскачивает, а ноги иногда подгибаются. Временами не понимаю своих габаритов, врезаюсь в стены. Но это всё побочные эффекты моей смерти в том другом мире, и я готова их терпеть, раз мне дали второй шанс. Но зачем же этот шанс теперь отбирать?

Эгрегор? Слово было мне знакомо, разумеется. Я встречала его в английской эзотерике и философии. Энергоинформационная структура, по сути коллективная мыслеформа. Что-то вроде нейросети, существующей за счёт общих идей, эмоций и целей определённой группы людей, если говорить на современный лад.

Чушь какая-то. И главное – с какой стати мне умирать через одиннадцать дней? Цифра тоже, конечно, не простая. В индийской культуре одиннадцать – это и количество органов чувств, и разные там божественные силы, разрушительные иногда, кстати.

Да не хочу я умирать! Я только жить начала... повторно. У меня вон... Молька.

Но самый главный вопрос: что мне делать, если я хочу выполнить задание?

Ничего не придумав, я залпом выпила кружку воды. Из-за соседнего столика потянуло запахом пива. Внутри у меня всё перевернулось. Я словно воочию почувствовала, как пенный напиток стекает по моему горлу, лаская нёбо, насыщая и стирая жажду. Громко сглотнула. Интересно, можно ли назвать конфликтом моё желание выпить и моё одновременное нежелание пить? Тело просит, а душа сопротивляется. И будет сопротивляться, пока не победит.

В это мгновение перед глазами всплыла новая светящаяся золотистым надпись:

Задача: устранение конфликта души и тела.

Прогресс: 3% из 100%

До разъединения души и тела осталось: 10 дней 23 часа 42 минуты

Ого! Я подпрыгнула на стуле. Неужели что-то нащупала? Работает! Пусть 3% – это и мизер, но у меня хотя бы появилась надежда. Думай, Валентина, думай. Ты только что подтвердила свое желание вылечить тело Вель. То есть, твердое намерение достичь гармонии. И это сработало!

В этот момент один из гномов достал длинную трубку, разжёт её и закурил, пуская клубы дыма под потолок.

Я охнула. Вот же глупая женщина! Привела ребёнка в место, где курят. Настолько привыкла, что в моём мире эту привычку давно ограничивают, что совершенно упустила этот момент из виду.

– Упакуйте, пожалуйста, – вежливо попросила я проходящую мимо Тирру с подносом грязных кружек.

Разносчица снова посмотрела на меня... странно.

– Домой заберёшь? – удивлённо спросила разносчица.

Видимо, раньше Вельта на столе еды не оставляла, съедала всё подчистую.

– Да, вот... пирог и сосиски. Есть во что упаковать?

– Найдём, – Тирра пожала плечами и ушла.

Вернулась она с глиняным... термосом. Керамическая бадейка закрывалась плотной крышкой и имела два кожаных ремешка для ношения на плече или за спиной. Тирра уложила туда пирог кусками и ещё тёплые сосиски.

– Вернёшь, – предупредила она.

Я обещала, что обязательно занесу коробочку по дороге... куда-нибудь.

Подхватив на руки спящую Мольку, я поспешила уйти, поскольку трактир постепенно наполнился дымом. После вкусной еды люди и гномы принялись разжигать толстые грубые папиросы и трубки.

Мольку я устроила на плече, накинула сверху шаль размером с парус и завязала её сзади. И ребёнку тепло, и мне не холодно. Коробок пристроила на плечо. Огляделась... и поняла, что не знаю, куда идти. Добирались мы сюда с Молькой долгим путём, пройдя мимо фешенебельного района, в который не пускали простолюдинов. А вернуться желательно короткой дорогой.

К счастью, что-то забрезжило в памяти: вон там за поворотом маленький фонтанчик с чистой питьевой водой, писающий ангелочек. А ну-ка проверю.

Я повернула за поворот. Ангелочек был на месте. Снова напилась от души – жажда продолжала мучить. А вот ноги... ноги стали отекают. Память Вельты подсказывала, что нужно миновать большой торговый квартал, пройти по мосту и повернуть у красного кирпичного дома направо. Но конечности отчаянно протестовали.

Внезапно я услышала скрип и хрипловатый мужской голос, напевавший какую-то песенку. Со мной поравнялась телега, запряжённая гнедой лошадкой. Бородатый коренастый мужик, сидевший на облучке, бросил на меня осторожный взгляд и вдруг воскликнул:

– Вельта, ты?

– Ага, – радостно отозвалась я.

Лицо было знакомым, но вспомнить имя сразу я не смогла. Хорошо, что Молька подняла голову, сонно поглядела на мужика и сказала:

– Здоровья вам, дяденька Ланге.

– И тебе не хворать, – ухмыльнулся мужик. – Вельта, хорошо, что я тебя встретил. Давно хотел к тебе зайти, да говорили, что ты... хм...

В запое, ага.

– Запрыгивай. А малышку клади на мешки. Они мягкие, травку свежую в них с луга своего везу. Коровки моей, кормилице, радость.

– Это вы, герн Ланге, мне прям комплимент отвесили, – пошутила я, устроив снова заснувшую Мольку на мешках и неуклюже залезая в телегу. – Я, похоже, свое отпрыгала.

– Ничего, какие твои годы, – отозвался дядька Ланге.

Мы тихонько двинулись по улице. Я благодарила небеса за своевременную помощь. Не знаю, как бы я дошагала до лавки, особенно с Молькой на плече.

– В «Мортиру» ходила? – кивнув на термос, осведомился дядька Ланге.

– Да, – ответила я. – Захотелось вот... посидеть.

Удивительно, но я вспомнила этого пожилого мужчину. Он жил на окраине города, держал с женой несколько коров, продавал на рынке молоко, но арендовал луг у Западного кряжа.

Западный кряж, Дивные озёра, Орлиный камень, Мельничья низина, Малая гряда – в голове всплывали местные топонимы. Так, глядишь, я всё и вспомню. Не иначе как с прогрессом в загадочном «интерфейсе» заработала и адаптация к телу Вельты.

– Странно, – старик вдруг обернулся и откровенно принюхался. – Выглядишь трезвой. И вином от тебя не пахнет. Молчишь, песни не распеваешь, как обычно после трактира. Потому я, наверное, тебя и не признал в темноте.

– Ну... – я пару секунд подыскивала слова для ответа. – Привыкайте. Теперь я всегда такой буду. Клянусь.

Герн Ланге недоверчиво хмыкнул:

– Ну, ты это сказала, девка, не я, тебе и ответ перед Небесами держать, – и переключился на другую тему. – Слыхал я, в Белом городе празднества начались. Рановато в этом году.

Белый город... Белый город. Вспомнила! Так называлась южная половина Бергхайма, в которую нас с Молькой не пустили. Северная соответственно носила название Серого города. В Белом городе жила знать, там находились бюветы с минеральными источниками, и многие аристократы приезжали туда, чтобы подлечиться. В Белый город из Серого пускали только обслуживающий персонал. Даже Корпус стражей там был отдельный.

– Так ведь тепло как, – сообразила, что ответить, я. – Погодка стоит чудесная. Отчего бы и не начать веселиться?

– Эх, – вздохнул молочник. – Им-то всё веселье. А у меня молоко в цене упало. Белогородские повадились своё заказывать, из столицы. Безделушками своими магическими обложат, чтобы не портилось, и везут за тридевять земель. Сливки, сметану, творожок. А зачем? В Сером городе они по-всякому вкуснее, свежее. Мои коровки хоть у дома пасутся, но траву я им всегда кошу свежую. Зимой хорошим сеном обеспечиваю. Ну скажи, Вельта, как это называется?

– Это называется демпинг вытеснения, дядька Ланге, – развела руками я. – А по-другому – вредительство.

– Вот! – воскликнул молочник, хлопнув себя по коленям так сильно, что лошадка споткнулась и с удивлением обернулась на хозяина. – Я так бургомистру нашему и сказал! Вредительство это! Чего вдруг мне продавать квартиру молока за десять медяков, если правильная цена за неё – тринадцать медяков?

– Разорительно, – поддакнула я. – Подрыв продовольственной безопасности налицо.

– Во-о-от! – протянул дядька Ланге, подняв к небу заскорузлый палец. – Умная ты баба, Вель. А раньше ещё и рукастой была. Я твою финтифлюшку охлаждающую до сих пор берегу. Хотел зайти к тебе и попросить её зарядить. Сколько попросишь за заряд?

Ну, положим, заряжать я ещё не умею. Тем не менее память Вельты стала просыпаться. А это уже надежда. Дай бог вспомнить, как управляться с артефактами.

Хотела ответить осторожным отказом, мол, пока жутко занята, но чуть позже.. а вырвалось другое:

– А сколько дашь? В молоке, сливках и твороге.

Потому что молочные продукты – это хорошо. Это кальций, витамины. Это латте и капучино.

Вспомнились мои навыки в варке кофе. Я же год назад ходила на курсы бариста. Просто так, из интереса. Была самой возрастной дамой на курсе, что меня совсем не смущало. Познакомилась с кучей чудесных молодых людей. Один из них даже научил меня пользоваться криптокошельком. А что? Тоже инвестиции. Тем более что некоторые иностранные ученики, которых я обучала русскому, могли оплачивать мои уроки только криптовалютой. Эх, где сейчас мои стейблкоины?

– Вот это правильный разговор. Не обижу, – крикнул довольный дядька Ланге. – Попробуешь моё маслице. Вкуснее его во всём Гольдгау нет.

«Гольдгау», – машинально отметила я мысленно. Название государства. Но в нём, кажется, два слова: Гольдгау и... не помню. Переводится как «золотой край» или что-то в этом роде. Позже попробую вспомнить подробности и постараюсь записать. Найти бы какой-нибудь блокнот.

– С удовольствием попробую ваше масло, – охотно согласилась я.

Мы с дядькой Ланге пришли к соглашению и расстались очень довольными друг другом. Оставалась мелочь: вспомнить, как заряжать артефакты. В принципе мне нечего было терять. Одиннадцать дней. Но на деле гораздо меньше времени, ведь ночью придётся спать.

Дядька Ланге высадил нас у лавки. Молька проснулась одним глазом, настояла, чтобы ей выдали сосиску, немного её пожевала и снова заснула. Я отнесла её в кроватку, накрыла одеялом, села на краешке. Окна бы законопатить – дует. Сегодня обойдёмся без вечерней ванны, купались утром. Но это относится только к Мольке. Мне по-любому нужно принять душ. Тело начало жутко потеть. Я с ужасом думала, что будет, если в этом мире женщины не пользуются дезодорантами.

Повторилась эпопея с нагревом воды. Можно было идти спать, но я не была уверена, что засну. Вот уж часики тикают в прямом и переносном смысле. Нужно занять себя чем-нибудь полезным, пока не захочется спать.

Я и занялась. В доме имелся настоящий туалет а-ля сортир, подключённый к городской канализации. Несмотря на брезгливость, которую я испытала, войдя в него, в моем личном рейтинге гадостей лидировала пока кухня с опарышами.

Уходя в трактир, я обильно обмазала унитаз мылом. Теперь вооружилась щёткой и начала медленно очищать ржавые наросты снаружи и наслоения мочевого камня внутри. И как он ещё работал? Даже воду спускал.

Но бедный ребёнок! Теперь понятно, почему Молька так радовалась каждому дню в школе – она случайно призналась мне в этом по дороге в трактир. В школе давали стакан молока и сухарик. Там было тепло... и там был хороший туалет. А еще книжки с картинками и игрушки. Куклы, например. У Мольки в школе имелась любимая кукла, но иногда ее у нее забирали вредные мальчишки.

Насколько я поняла, в Сером городе к образованию относились очень серьёзно. Помимо школ здесь имелась Академия прикладных искусств и ремёсел, в том числе магических. Вельта какое-то время училась в ней после средней школы. В голове промелькнули обрывки воспоминаний: парты, свитки, строгий мастер артефакторов герн... Варга, точно, Варга!

Я взяла щётку и села на кровать. Все же что-то магическое в ней имелось. Чем больше я водила щёткой по волосам, тем лучше мне становилось. Медленно, но верно проходила головная боль, явно связанная с алкогольной интоксикацией. Хотя специфическая жажда по-прежнему присутствовала.

– Точно приснится какой-нибудь московский бар с коктейлями и текилой, – пошутила я вслух, продолжая с удовольствием расчёсываться. – Не дай бог, конечно.

Тело расслаблялось, тревога уходила. Однако вопрос одиннадцати дней продолжал меня мучить. Как добиться, чтобы три процента прогресса перешли в сто? А если я умру, что будет с Молькой? Нужно получше расспросить её о маме, сестре Вельты. Кажется, та жива и временами видится с дочерью. Как-то я упустила этот момент из виду.

В таком случае не стоит так сильно привязываться к ребёнку. Но – я покачала головой – похоже, я уже к ней привязалась. Как будто это моя собственная дочь, которой у меня никогда не было. Видимо, Вель Мольку любила, а её чувства унаследовала я, как и крохи памяти.

Может, не так уж и страшно, что моя душа отвяжется от тела Вельты? Мольку вернут матери. Возможно, мой дух перевоплотится. Вероятно, это будет проще, чем восстановить здоровье в теле алкоголички. И нужно же было довести себя до такого состояния?

Внезапно вспомнилась соседка Ангелина. Я подумала о ней нехотя, начиная чувствовать сонливость. Ангелина... Концерт по заявкам... Пьяные склоки... Я грожу потолку вязальной спицей... Стоп! Не в этом ли причина моего переброса в этот мир? Я ведь прокляла Ангелину даром Измайловых, вроде бы в шутку. Однако с некоторых пор в моих глазах эта шутка приобрела совсем другое значение.

Если магия не выдумка, то и моё проклятие – реальность! Я ещё и коровой её обозвала! И что в результате? Сижу здесь в необъятном теле, а ребёнок, которого я должна опекать, – потенциальный носитель психологической травмы! А ведь я об Ангелине ничего не знаю.

Ведать не ведаю, как получилось, что она скатилась практически на дно жизни. Если ещё не скатилась, то обязательно скатится, с таким-то кавалером, выпивкой и обценной лексикой.

Но ведь был в её жизни близкий мужчина – отец её дочери. Значит, имел место развод или разрыв. Травма? Стресс? Конечно! А я, не зная первопричин, решила, что у меня есть право осуждать. Да, сама я всю жизнь старалась быть сильной и преодолевать жизненные искушения. Но как я могу требовать этого от других?

Что на меня тогда нашло? Я ведь всегда была интеллигентным человеком. Сначала старалась разобраться в причинах чужих проблем. Если не простить, то хотя бы попытаться понять. Теперь ясно, за что меня засунули в это тело!

Меня затопило чувство раскаяния и осознания нелепой ошибки.

И тут снова проснулась странная компьютерная система в мозгу.

Задача:устранение конфликта души и тела.

Прогресс:21% – раскаяние; 6% – установление социальных связей

До устранения конфликта:73%.

До разрыва тела и души:10 дней 20 часов 3 минуты.

Я опять не поверила своим глазам, на этот раз потому, что эта цифра прогресса была несоизмеримо больше, чем в прошлый раз. Так вот что от меня требовалось! Мне просто нужно было провести сеанс интроспекции и разобраться в своих проступках. Помимо этого начать строить доверительные связи с другими жителями этого мира! Еще бы времени добавили, но нет, увы.

Прогресс:29% – осознание.

Ещё два процента подкинули! Такими темпами я быстро приведу тело и душу в гармонию. Попробую ещё немножко порефлексировать. Главное, чтобы присутствовала искренность. А раскаивалась я вполне искренне. Так, обещаю никогда так больше не делать. Честное комсомольское.

Однако больше система ничего не показала. И не упомянула о таинственном эгрегоре. Только, уже практически засыпая, я увидела промелькнувшее на внутреннем «экране» сообщение:

Память акцептора:раскрыта на 4%.

Навыки акцептора:раскрыты на 0%.

Глава 8

Проснулась я вполне бодрой, по старой привычке в шесть ноль-ноль. И даже без вопросов «где я» и «кто я». Немного помечтала в кровати.

Будь я сейчас дома, набросила бы любимый тёплый халат, надела пушистые тапочки и пошаркала на кухню готовить кофе. Следила бы за пенкой, взбивала молоко, отмеривала корицу. За окном было бы ещё темно. Вскоре запищат домофоны в подъездах, и люди потянутся на работу по свежему снегу. Интересно, какая зима здесь, в Гольдгау.

Голова, конечно, болела, но я уже не обращала на это внимания. Сегодня, если выберемся в город, куплю лечебную соль и какие-нибудь травы.

А пока я развела ложку обычной соли в стакане воды и выпила жуткую смесь залпом. Потом прислушалась к организму. Тут активно подавал сигнал SOS. Болела печень, ныли почки, стреляло в пояснице. Но лёгкой физкультуры это не отменяло.

Пару раз получилось присесть, но это упражнение я отложила на потом, а то ребёнок проснётся от скрипа в моих коленках. Повращала ступнями и руками. Так, на левой руке какое-то воспаление, возможно, первая ласточка артрита. Напомните, сколько мне лет? И почему я всё время забываю спросить об этом Мольку?

«Двадцать шесть», – послушно откликнулась память Вельты.

Нет, не может быть! Я даже приостановила попытку оторвать от пола ногу и поднять её повыше. Двадцать шесть лет? Не верю. Не меньше сорока. Документы – срочно!

Переходим к диафрагмальному дыханию. Диета, которую я собиралась применить к телу Вельты, требовала отдельной заботы о желчном пузыре. Поэтому вдох – и выпячиваем живот.

Вдохнула, опустила глаза вниз. Зрительно ничто не изменилось. Живот не раздулся, потому что и был раздутым. А если втянуть на выдохе? Чуть-чуть получилось, и на том спасибо. И организм заработал, судя по бульканью справа. Во рту появился горьковатый привкус. Чего-то такого я и ожидала, поэтому не испугалась. Постепенно, плавно буду работать над покалеченными алкоголем органами. А там остаётся только надеяться на лучшее.

Спала я ночью крепко, но несколько раз бегала в туалет: организм пытался избавиться от избытка накопленной за день воды. Под утро зашла к Мольке и обнаружила, что та спит с зажатой в руке булкой, порядком обгрызенной. Наверное, проснулась и решила подкрепиться. Бедное дитя. Ничего, теперь всё будет по-другому.

И снова я грела воду и таскала её в бельевую комнату, напевая «А нечистым трубочистам стыд и срам». При этом пыталась на бегу (тяжелые кастрюли носились легко, потела я скорее от детокса) вспомнить рецепт самодельного дезодоранта. В крайнем случае, что-нибудь сделаю своими руками. Иначе никакой нормальной социальной жизни мне тут не видать.

Проснулась Молька. Прибежала на кухню и сунула нос в холодильник. Разумеется, пирог и сосиски были на месте.

К пробуждению ребёнка я успела немного расчистить кухонный стол. Нашла и отмыла высокий металлический молочник. В нём подогрела воду и приготовила нам что-то вроде чая. Мешочек с перечной мятой я утащила накануне из трактира, когда расплачивалась с герном Беком.

В трактире эти мешочки лежали на большом глиняном подносе, и я видела, как некоторые посетители забирают их на обратном пути – открывают и засыпают сухое травяное содержимое прямо в рот. Очевидно, здесь мята являлась средством от запаха спиртного. А у нас с Молькой получился неплохой мятный отвар. Полезно: успокаивает и работает как противомикробное. Хотя я предпочла бы кофе.

Молька щедро выделила мне одну сосиску. С поджаренным яйцом она зашла на ура. Тело приняло еду и задалось вопросом «А где глюкоза? Глюкоза-то где?» Но я проигнорировала вопли организма.

Дальше планировалось организовать одно важное мероприятие: загнать герну Птуссу, гарпии и скупщику, чашу для девичьих слёз короля Зигмара.

Я с сожалением посмотрела на мокнущую в раковине посуду. Руки чесались заняться уборкой. Но сначала деньги. Потом нужно будет составить финансовый план хотя бы на ближайшие недели.

При этом я упорно обращалась к памяти госпожи Брандт. Как же всё-таки делаются эти артефакты? С чего начать? Как научиться пользоваться магией, если, конечно, у меня остались хоть крохи дара. Ничего не всплывало. Только почему-то мелькала в памяти лесная тропка, залитая солнечным светом.

Я переделалась, взяла откопанную в кладовке корзинку и положила в неё Чашу, протёртую от пыли. На обратном пути я планировала зайти на рынок. На случай, если сделка сорвётся, у меня оставалось ещё полсеребряшки.

Солнце сегодня светило не так ярко, как вчера, по небу пробегали мелкие тучки. Похолодало.

Улица Девятихвостых лис, как и вчера, уже проснулась.

Фрава Шмидт, пытая от усердия, вытаскивала из пекарни тяжёлые деревянные лотки и с глухим стуком водружала их на наружный прилавок. Румяные булки-улитки с изюмом она разложила на деревянную доску, а крендели с маком – на льняные салфетки. Огромный каравай, присыпанный семечками, она выставила на отдельную подставку, наверное, чтобы вся улица прониклась ароматом свежего хлеба, настоящего, только что из печи.

Напротив, из посудной лавки выскочил сам хозяин – герн Кох, коренастый мужчина с красными щеками и наглыми, смеющимися глазами. Он схватил медную сковороду, подкинул её вверх, поймал, стукнул костяшками пальцев по дну, и сковорода запела, как маленький колокол.

– Слышите?! – заорал он на всю улицу, обращаясь к трём пышнотелым фравам у пекарни. – Это не посуда, это свадебный марш! Жаришь яйцо – оно само прыгает на тарелку! Готовишь блины – они сами в масле кувываются!

Покупательницы фыркали, но одна уже потянулась к кошельку.

К ним, ловко лавируя между телегами и покупателями, семенил низенький человечек в соломенной шляпе – зеленщик. Его корзина была до краёв набита зеленью, и он выкрикивал на ходу:

– Щавель-щавель, кислый, как моя свекровь! Сочная петрушка, пучок за медячок! Огурец-молодец! Ароматный укроп! Всё само просится в рот!

Я уставилась на его корзину жадными глазами. Там лежали упругие вилки молодой капусты, оранжевая морковь с землёй на кончиках, пучки щавеля с крупными, сочными листьями, а ещё какие-то фиолетовые стручки и пупырчатые корнеплоды, что-то местное, мне незнакомое.

Однако останавливаться и делать покупки было некогда, дела требовали нашего внимания. Я вспомнила, что велела герну Бренцу прийти к десяти, хотя в глубине души сильно сомневалась, что этот пропойца вообще явится.

Мы свернули с главной улицы, немного поплутали, и я на всякий случай шутливо уточнила, правильной ли, короткой ли дорогой ведёт меня Молька. Но мелкая была сама серьёзность. Она рассеянно мне кивнула и вдруг сказала, резко остановившись посреди дороги:

– Знаешь, тётушка, давай сначала сходим к оценщику. Пусть он скажет нам, сколько стоит чаша. Герн Птусс... как бы...

– Может обмануть?

– Может, – кивнул ребёнок. – Он тебя никогда не обманывал, потому что ты была хитрой. Но сейчас...

– Хм, – многозначительно протянула я. – Умное дитя, что ты предлагаешь?

– Ты иногда, прежде чем пойти к господину Птуссу, заходила к господину Фонге. Господин Фонге очень не любит господина Птусса и называет его старой, лживой, вшивой вороной.

– Н-да, и у него есть на это основания?

Молька пожала плечами. Она просто пересказывала чужие слова, но все эти взрослые игры казались ей непонятными и скучными. Я велела ей отвести меня к герну Фонге, который оказался оценщиком и брал за свои услуги по десять медяков за предмет, то есть четверть мелкой серебрушки.

– Ну-с, – констатировал оценщик, изучив артефакт. – Чаша короля Зигмара. При жизни он изготовил таких... штук триста.

Я почувствовала, как у меня вытягивается лицо.

– Триста штук? Так много? Зачем ему понадобились триста чаш для женских слёз?

– А вы не знаете, фрава Брандт? – герн Фонге заметно удивился. – Он ведь был вашим коллегой, как никак, артефактором. А слёзы невинных дев – главный ингредиент приворотных зелий. Уж больно любвеобильным был король Зигмар. И в виду этого девиц в столице тогда осталось немного, он их всех... хм... не при ребенке. Годы брали свое, девицы уже не так охотно шли на контакт. Вот он и научился лепить чаши и посылал людей по всему королевству для сбора слёз.

– И сколько такая чаша может стоить?

– Смотря кому вы хотите её продать. Я, как вы, наверное, помните, артефакты не скупаю, я их только оцениваю.

– Хочу продать её... – решила признаться я, – герну Птуссу.

– А, – оценщик пожевал губами. – Старый нетопырь жив ещё? Просите не менее семи золотых. Хотя чаша и старая, сейчас таких никто уже не делает. А девичьи слёзы остаются важным ингредиентом для приворотных. На вашем месте я бы вообще её не продавал.

Я вздохнула, и герн Фонге понимающе кивнул, проговорив:

– Впрочем, это ваше дело. Приносите на оценку артефакты собственного изготовления, дам вам скидку.

– Обязательно, – пообещала я оценщику, – так и сделаю.

– Мало, – грустно подвела итог Молька, когда мы вышли из «Точных весов».

– А ты действительно думала, что он стоит как тысяча алмазов? – усмехнулась я. – Зато если дела пойдут в гору, мы сможем выкупить Чашу. Впрочем, я уже делю шкуру неубитого медведя. Посмотрим, что скажет герн Птусс.

– Три золотых, – сказал герн Птусс. – Таки считайте это подарком. Я вообще не уверен, что это не подделка.

– Молли! – позвала я, решив посоветоваться с моей помощницей.

Но девочка замерла перед витриной у окна. В ней стояли прекрасные куклы. В одеждах, примерно времён нашего, так сказать, Людовика номер четырнадцать. С забавными фарфоровыми личиками, слегка удивлёнными и очень тщательно расписанными: розовый румянец, карминовые губки, брови ниточкой и даже пушистые ресницы из кусочков какого-то меха или щетины. Ткани, что пошли на их одежки, даже издали выглядели дорогими, а наряды искусно выполненными.

Я поняла, что Молька очень занята, и решила, что поборюсь со старым нетопырём в одиночку. Герн Птусс и вправду был похож на старую полысевшую птицу, только не на ворону, а скорее на стервятника. Выдающийся во всех отношениях крючковатый нос нависал над скошенным к шее подбородком. Чёрные глаза-буравчики прятались глубоко в глазницах под клокастыми бровями. Ими скупщик изучающе сверлил меня, грозя просверлить насквозь.

– А вы как-то сегодня иначе выглядите, фрава Брандт, – внезапно сказал торговец. – Только вот не пойму, в чём разница. Что-то... в лице... или в фигуре... или вообще...

– И не пытайтесь, – парировала я. – Женская загадка. А почему бы нам не проверить чашу, если вы сомневаетесь?

– Что ж, – гарпий пожал плечами, – приведите мне девицу, и пусть она поплачет в вашу ёмкость.

– Почему это должна делать я? Вы ведь сомневаетесь в артефакте, не я. Впрочем, моё дело предложить. Найду другого покупателя.

– Ха! – вызывающе буркнул герн Птусс, но в глазах промелькнуло что-то... опасение?

– Давайте её сюда, – велела я. – Есть у меня один человечек в Белом городе... Сейчас такую посуду ценят. Никто подобное уже не делает, а спрос на приворотные зелья...

– Пять золотых, и я беру её без проверки, – не выдержал гарпий.

– Восемь, и можете проверять.

– И проверю! Фоня!

На крик из двери в подсобные помещения явилась пышненькая, приземистая кучерявая особа. Шмыгнув не менее выдающимся, чем у герна Птусса, носом, она вопросительно произнесла:

– Папенька?

– Это моя дочь Фоня, – мог бы и не представлять. Плоть от плоти видна была, как говорится, не по паспорту, а по лицу. – Она сейчас заплачет, и мы-таки проверим вашу чашу, – торжественно сообщил мне гарпий.

– А об чём плакать, папенька? – деловито спросила Фоня.

– Откуда мне знать? Это всё ваши девичьи дела. Поплачь об счёте за твою будущую свадьбу, который мне уже принёс господин Зоннер, наш организатор и тамада. Я бы сам заплакал, но у меня уже не осталось слез.

Фоня послушно разрыдалась. Поток слез потекли у неё по щекам, и герн Птусс собрал ее в крошечную склянку. Я ошеломлённо глядела на девицу, поражаясь, как ей удаётся так легко переходить от рыданий к улыбке и наоборот.

– Вот, смотрите, – герн Птусс стоял над чашей, в которую на наших глазах вылил слёзы. – Ничего же не происходит. Подделка.

– А что должно происходить? – осторожно поинтересовалась подошедшая к прилавку Молька.

– Волшебные процессы. Перламутр и радуга, – пояснил гарпий, сам, кажется, весьма расстроенный.

– А вы уверены, что дело в чаше? – робко спросила я, глядя на Фонию.

– На что вы намекаете? – скупщик тоже перевёл взгляд на дочь и с подозрением проговорил: – Фоня?

Девица снова зарыдала, но уже натурально. На макушке у герна Птусса, словно перья, поднялись чёрные с серебром пучки волос.

– Фоня! – завопил он. – Как ты могла? Нельзя было потерпеть до свадьбы?

Но девушка продолжала плакать.

– Теперь даже если я захочу, отказаться будет нельзя! Иначе позор!

Фоня зарыдала ещё горше.

– Ладно-ладно, – вздохнул гарпий. – Дороги назад нет в любом случае, счёт за свадьбу я уже оплатил. Иди и подумай о своем поведении. Впрочем, в этом уже тоже нет смысла. Надеюсь, я хотя бы скоро стану дедом.

Фоня ушла, продолжая всхлипывать, но уже тише.

– А что случилось с Фоней? – Молька поманила меня к себе и шептала мне на ухо.

– У неё получились неправильные слёзы, – пояснила я. – Так бывает.

– А если попробую я? – прокашлявшись, робко предложил ребёнок.

– Ты, дитя? А ведь это сработает. Право, фрава Брандт, отвесьте вашей племяннице подзатыльник, – прищурился гарпий, перегнувшись через прилавок. – Пусть поплачет для вашего кармана.

– С ума сошли? – возмутилась я. – Никого я бить не буду. Отдавайте мне Чашу, и мы пойдём.

– Нет-нет, – дёрнула меня за рукав Молька. – Я и так заплачу. Просто мне нужно вспомнить что-нибудь грустное.

– Ну... – неохотно разрешила я. – Только не слишком уж расстраивайся. И вообще, лучше не... Ох!

По щекам Мольки потекли слёзы, крупные и прозрачные. Я не сразу заметила, что герн Птусс протягивает мне чистый флакон – так меня одновременно заморозили и расстроили эмоции ребёнка.

– Всё, всё, хватит, – быстро сказала я Мольке. – Чем бы это ни было, забудь.

Опомнившись, я собрала слёзы девочки. Герн Птусс вылил их в чашу. Над опалесцирующей жидкостью немедленно поднялось радужное облачко. Слёзы Мольки действительно отливали перламутром, густо переливаясь по Чаше. Несколько слезинок каким-то образом заполнили почти треть Чаши. Герн Птусс с горящими глазами бережно поднял артефакт и убрал его в ящичек позади прилавка, заперев шкафчик на ключ.

Он отсчитал золото и подвинул кучку ко мне:

– Как и договаривались, семь золотых.

Я не пошевелилась, пристально глядя торговцу в глаза.

– Восемь, и ребёнок забирает себе игрушку. Молька, пойдёшь выбери куколку на свой вкус.

Молька, не веря своему счастью, подпрыгнула на месте и бросилась к витрине. Слёзы моментально высохли. Выбирать она не стала, видимо, уже присмотрела себе любимицу.

– Вот! – она ткнула в куклу-пиратку, вылитого Джека Воробья, только в женской ипостаси. – Хочу вот эту!

– Это самая дорогая! – взвыл гарпий. – Одна амуниция стоит золотой, не меньше! Сабля! Подзорная труба! Компас!

– Но девичьи слёзы вы оставили себе, – напомнила я ему, блефуя. – Сколько же нынче стоит пузырёк слёз невинной девы?

Герн Птусс заткнулся и полез за деньгами и ключом от витрины. Вынимать куклу он не стал, махнул рукой и вернулся к прилавку, видимо, старый нетопырь ещё надеялся, что Мольке понравится что-нибудь подешевле.

– Мне нужно описать Чашу, – пробурчал гарпий, – а вам подписать бланк оценки.

– Хорошо, – согласилась я, – немного осмотрюсь.

– Но имейте в виду, в довесок я больше вам ничего не отдам, – предупредил торговец. – Только за деньги.

– Как скажете, – согласилась я.

Меня так и подмывало спросить, о чем плакала Молли, но та была занята тем, что невяряще таранилась на свою новую игрушку, не решаясь вынуть ее из открытой витрины. Пришлось подойти и вытащить куклу, вложив ее в руки девочки.

– Вот, – пробормотала я, чувствуя себя Жаном Вальжаном (*). – Играй, дитя.

(*Жан Вальжан – персонаж романа Виктора Гюго «Отверженные», каторжник, купивший бедной девочке дорогую куклу).

Глава 9

– Я точно вас не слишком задерживаю? У вас достаточно времени, госпожа Брандт? – ещё раз уточнил герн Птусс. – Мне потребуется примерно четверть часа.

«Достаточно ли у меня времени до прихода Бренца?» – начала подсчитывать я.

Тут же ожил таинственный интерфейс у меня перед глазами:

До разрыва души и тела: 10 дней 11 часов 17 минут.

Чтоб тебя!

Всё утро носилась со своей головой как с хрустальной вазой. Мало того что она побаливает, ещё и таймер периодически любезно подсказывает, сколько времени осталось до моей смерти. И вот опять, хуже напоминки на мобильном, честное слово. И главное, как отключить, непонятно.

Три раза хлопнула глазами – таймер исчез. Ну, есть и позитивный момент: теперь я знаю, что он может активироваться мыслью.

– Конечно, господин Птусс, – ответила я.

– Фоня! – снова заорал гарпий. – Принеси нашей во всех отношениях лучшей клиентке чаю! Или, может, чего-нибудь покрепче? – обратился ко мне торговец. – Имеется прекрасный орочий самогон.

– Нет, благодарю, – отказалась я, вздрогнув.

Перед глазами мгновенно предстала запотевшая кружка с мутным напитком. Я это пила? Судя по слюноглотательному рефлексу, еще как. Собака Павлова, ей-богу. Стоит заговорить о спиртном – и реакция тут как тут. Голова болит. Слюна течет.

Фоня появилась сразу же с подносом, видимо, ожидала, что папенька скоро раздобьется: дочь простит, а гостью угостит чаем.

Чай был бледным, явно не первой заварки. На крошечном блюде лежало два коржика с изюмом. Над одним из них потрудились моль, оставив следы жизнедеятельности, другой носил следы зубов. Тот, кто пытался откусить от коржика, схватку с ним явно проиграл. Надеюсь, хотя бы остался с зубами. Я сделала вид, что пью чай, но от коржиков отказалась, изобразив сожаление – диета. Доктор Форфензее прописал полный отказ от мучного.

Молька, к счастью, временно выпала из реальности, зачарованно разглядывая игрушку, и угощение тоже проигнорировала.

Птусс открыл нечто вроде грощбуха и принялся записывать в него данные нашей сделки. Затем он перевернул страницу, проведя острым ногтем-когтем по развороту, чтобы книга учёта не закрылась и листы не топорщились.

Я ожидала, что он снова достанет Чашу короля Зигмара из сейфа, но гарпий внезапно поднёс палец к виску, прижал коготь к голове, а потом плавным жестом отвёл руку в сторону. Из головы за пальцем потянулся голубоватый сгусток.

Птусс нарисовал перед собой пальцем что-то вроде лежащей восьмёрки или знака бесконечности. Сгусток развернулся в воздухе в голографическое изображение Чаши Зигмара. Гарпий некоторое время задумчиво его разглядывал, а затем покрутил пальцем, и трёхмерная копия тоже начала вращаться. Вокруг неё выстроились крошечные золотистые значки, те самые, что так напоминали мне алфавит деванагари.

Ну просто вау! А что, так можно было?

– Толщина стенок от десяти до одиннадцати данов, – забормотал торговец. – Высота от ста пятидесяти до ста пятидесяти с половиной данов. Толщина дна – пятнадцать данов. Качество субстанции – высшее... Образец стабильный.

– Удивительно! – вырвалось у меня.

Птусс польщённо хмыкнул и похвастался:

– Я один из немногих Мастеров в городе, кто может пользоваться своим эгрегором.

Меня прошиб холодный пот. Эгрегор! Неужели кто-то произнёс это слово вслух? А я уже начала бояться, что основательно тронулась умом и вообразила, будто играю в компьютерную игру.

– Эгрегор? – повторила я голосом, полным надежды, даже петуха дала. – Невероятно! Это же... вы умеете им пользоваться?

– Я Мастер, если вы забыли, госпожа Брандт.

– Разумеется, не забыла. Но то, как вы... ювелирно... мастерски... Увы, я так мало об этом знаю, – посетовала я, чем окончательно растопила сердце торговца.

Умею, практикую, подтвердил он.

– Эгрегор... – к моему облегчению, продолжил тему герн Птусс. – У каждого народа он свой. Понятное дело, у гарпий он тоже имеется. Взгляните вон туда.

Я проследила за взглядом мастера. В простенке между витрин висела вышивка по шёлку. Издалека я приняла её за родословное древо. Впрочем, я почти не ошиблась. Это и было древо, но вместо лиц членов семьи на концах его ветвей были вышиты кружочки.

Надписи под кружочками гласили: «Навык различения», «Навык выбора», «Навык анализа», «Навык выгодной торговли».... Но всё остальное на шёлковом полотне было написано теми же непонятными мне буквами.

– Универсальный магический язык, – милостиво просветил меня гарпий, увидев, как я пытаюсь рассмотреть золотистые иероглифы. – Лунная вязь. Невероятно сложный и мощный инструмент. За тридцать лет я усвоил лишь пару тысяч символов, но мне хватает.

– И любой гарпий может к нему... подключиться? К эгрегору, – с жадным любопытством спросила я.

Воистину вопрос жизни и смерти для меня в моём положении.

– Что вы, госпожа Брандт? – махнул рукой Птусс. – На такое способны только мастера, высшие мастера и, конечно, эрцмаги. Мне потребовалось двадцать лет, чтобы получить ранг Мастера. Зато...

Птусс подцепил крутящуюся голограмму чаши своим когтем, смял изображение пальцами и кинул получившийся сгусток на страницу раскрытого гроссбуха. Там голограмма развернулась и осела на плотном пергаменте подробным изображением.

Я подошла ближе и с изумлением отметила, что получилось нечто вроде справочного раздела энциклопедии: Чаша сверху, снизу, с боков – с подробными данными, которые перед этим проговаривал мастер. Подробно расписанные свойства, с которыми я уже была знакома: способность сохранять и увеличивать в объёме слёзы невинных дев. Ниже и сбоку располагался детальный рецепт приготовления керамической массы.

Пользуясь возможностью, я склонилась над страницей, впиалась глазами в мельчайшие символы, окружавшие изображение Чаши. Внизу, под рецептом керамики, я искала главное – способ зарядки артефакта, ту самую инструкцию, которую пока не смогла вытащить из памяти Вельты. Мастер Птусс, к счастью, увлёкся перечислением качеств картинке – стойкости магических чернил и детальности описания – и не замечал моего пристального любопытства.

Возможно, артефакт просто не нуждался в зарядке. Я уже хотела разогнуться и прекратить свои шпионские попытки, когда внезапно заметила цепочку крошечных, но детальных иллюстраций под изображением пучка каких-то трав.

Символическая рука на них держала в пригоршне что-то вроде прозрачной светящейся жидкости. Нет, не жидкости – энергии. Этот маленький значок Лунной вязи – «дуа» – я его вспомнила! Вельта его знала! Он означал именно энергию, силу мага. Вероятно, взятую у эгрегора, но не факт. Следующая иллюстрация показывала эту же руку перевёрнутой над чашей, а судя по третьей картинке, артефакт поглощал энергию из руки мага.

«Память акцептора открыта на 7%, – немедленно отчиталась программа в моей голове. – Навыки акцептора открыты на 2%».

Я сдержала возглас, чтобы никак не показать нахлынувших эмоций: одновременно радости, что прогресс пошёл, и разочарования – что идёт он очень медленно.

– Что нужно, чтобы подключиться к эгрегору? – вырвалось у меня.

– О, всего ничего, – закатил глаза к потолку Мастер Птусс. – Всего-то каких-то двадцать лет постоянного накопления опыта и мастерства. А затем эгрегор решает, достойны ли вы пополнить своими знаниями его сокровищницу, обогатить хранилище. Двадцать лет труда, постоянной аскезы, отказа от искушений...

Фоня, которая зашла забрать поднос, пренебрежительно фыркнула.

– Иди, иди, – проворчал ей вслед герн Птусс. – Много вы, молодые, понимаете. И где мой внук, которому я передам свои таланты? А?

Фоня ничего не ответила. Коржики отправились в подсобку, чтобы в следующий раз ими подкрепился менее привередливый клиент.

– В общем, – будничным тоном сообщил гарпий, погладив страницу с изображением чаши, – мне был дан талант сохранять точные мысленные образы любого предмета, который я увижу, чтобы потом перенести его на подходящую поверхность. Мои каталоги заказывают даже в Белом городе. Если уж быть совсем честным, то они приносят мне гораздо больше дохода, чем эта лавка. К тому же это отличная реклама моего магазинчика. И ещё я никогда не забываю вещи, которые видел.

В знак подтверждения гарпий вынул из-под прилавка клочок бумаги. Над ним появилась ещё одна трёхмерная картинка – самый обычный ржавый ключ. Птусс тем же плавным движением перенёс его на обрывок.

– Вот, – сказал он, внезапно хихикнув. – Ключ от пещеры дракона. Видел бы его наш бургомистр... хи-хи...

– Дракона?

– Ну да, нашего кровожадного ящера, будь он трижды убит молнией.

«Нашего кровожадного ящера»? Полагаю, я должна была понять, о чём идёт речь, без подсказок. Поэтому не стала комментировать последние слова торговца и задавать лишние вопросы. Но когда Птусс скомкал обрывок и швырнул его под прилавок, запомнила, в какой угол он отлетел. Между передней доской прилавка и полом оставалась щель в пару сантиметров. Ключок показался в ней белым кончиком.

– У всех народов есть эгрегор? – уточнила я.

– Практически у всех, – Птусс явно притомился от долгого разговора, но ответил: – И у каждого свой способ с ним общаться. Кто-то видит его подсказки, а кто-то слышит. Гарпии видят готовый объёмный образ в голове. Гномы слышат что-то вроде ударов молота или кирки в определённой последовательности, которая заменяет им алфавит. Орки-охотники читают свой эгрегор по кишкам убитых зверей, горгонам его подсказывают своим шипением змеифамильяры.

А я, значит, как жительница двадцать первого века, получила мобильное приложение для головы. Ну, хорошая новость: теперь я знаю, что это не шизофрения.

– Итак, ваше полное имя, госпожа Брандт? – обратился ко мне Птусс.

– Что? Ах да. Вельта Брандт

Я уронила ручку, которую мне дал герн Птусс, на пол и постаралась побыстрее ее поднять. Побыстрее не получилось, тело подчинилось со скрипом в прямом смысле этого слова.

– Вельтеция Орланда Оливия Иоланта фоль Брандт, – донёсся укоризненный голосок Мольки.

– И что? Это всё я? А ты уве...? – вырвалось у меня.

– Вельтеция Орланда Оливия Иоланта фоль Брандт, – обиженно насупившись, повторила Молька.

Я развела руками, мол, умному ребёнку гораздо виднее. Но герн Птусс без малейших сомнений вывел длинное имя под описанием Чаши. Разве что пробормотал:

– Ох уж эти феи. Любят повыпендриваться.

Я пропустила фразу мимо ушей. Не очень любезно, конечно, обозвать даму с проблемами внешности феей. Или это он в общем, обо всех женщинах сразу?

Расписалась под именем. *Вельта Брандт*. Свое длинное имя написать не решилась. И так сложно было выводить витиеватые закорючки на другом языке, к которому еще не привык мозг.

– Поменяли подпись? – подняв брови, осведомился гарпий. – Раньше вы расписывались иначе.

– Э-э-э... захотелось... что-то посолиднее.

– Не забудьте внести новую роспись в реестр личных сведений в Ратуше, – напомнил Мастер.

– Да, непременно.

Никогда Штирлиц не был так близок к провалу.

– Есть одно предложение, очень выгодное, – гарпий вдруг перешёл на шёпот и поманил меня к себе, опершись на прилавок. – Не хотите ли поставить производство слёз на поток? У вас имеется отличный источник. Почему бы не организовать маленький, но прибыльный гешефт?

– Нет уж, – сразу отказалась я. – Такие мероприятия не для моего ребёнка. Ей и так стресса хватает. Школа, уроки...

Тётушка с амнезией.

– Как хотите, – напустив равнодушный вид, отстал от меня гарпий. – Буду с нетерпением ждать следующего визита. Очень интересно, кхе-кхе, от какого предмета вам придёт... вы захотите избавиться в следующий раз.

– Посмотрим, захочу ли, – процедила я сквозь зубы. – Куклу упакуйте.

Мы вышли на улицу, и я пробормотала под нос:

– Вот охальник, приличную даму обозвал феей.

– А ты и есть фея, – пискнула Молька, прижимая к себе коробку с куклой-пираткой. – Ты наполовину фея, а моя мама – целая фея, и бабушка – тоже.

– Да-да, – улыбнулась я. – Все мы феи. А может, даже богини. Главное – отыскать их в себе и раскрыть.

Но Молька только обиженно дёрнула плечом.

– Кстати, – решила спросить я. – А о чём ты подумала, когда... когда заплакала?

Замерла, ожидая ответа. О тумачах от любимой тётушки? О пьяных посиделках, когда нужно делать уроки? О вечном недоедании? О вредных одноклассниках?

– Ни о чём, – снова дёрнула плечом мелкая.

– Как «ни о чём»? – усомнилась я. – Так не бывает. Никто не может заплакать, думая ни о чём... Или ни о чём не думая.

– А я могу, – Молька перепрыгнула было пару булыжников, но вспомнила о кукле и испуганно огляделась, проверяя, не заинтересовался ли её игрушкой кто-либо со злыми намерениями.

– Но как?

– Мама говорила, – снисходительно сообщила мелкая, – что настоящая актриса должна уметь в любой момент заплакать и захохотать. А моя мама – настоящая актриса. Она играет в Королевском театре. А я тоже стану актрисой. Пока, правда, только тренируюсь, но стану. В

Белом городе есть большо-о-ой театр. Я буду в нём играть в пьесах. И петь. Надену красивое платье, и все будут дарить мне цветы.

«Так-так-так, – подумала я. – А вот сестру и прочую родню я как-то в шорт-лист не внесла, а надо было». Купить хороший блокнот, усадить Мольку за стол напротив и записать под её диктовку всю свою подноготную: ближайшие родственники, дальние родственники, состав семьи, наличие судимостей, предыдущие места работы, прописка и место рождения. Ох, подозреваю, без сюрпризов не обойдётся.

Когда мы вышли на главную площадь Серого города, часы на Ратуше пробили десять. Но возвращаться в лавку не хотелось. Нам нужно было попасть на рынок, и Молька повела меня дальше.

О близости рынка свидетельствовали отдалённый шум и многочисленные, курсирующие по улицам транспортные средства. В основном это были телеги, реже – небольшие экипажи. За Ратушей даже открылся вид на станцию междугородних экипажей.

– Одноэтажные и двухэтажные дилижансы, – перечислила Молька доступные для дальних переездов средства передвижения. – А если по городу, то можно нанять фиакр. В Белом городе ходит конка, по рельсам. Безлошадная, представляешь?

– Как драндулет господина Волле?

– Драндулет маленький, – уточнила мелкая. – Конка – большая. Там тоже есть второй этаж. Можно купить билет и объехать весь город. Но билет стоит очень дорого.

– К тому же жителей Серого города в Белый город не пускают, – кивнула я, вспомнив наш длинный путь к трактиру.

– Тебя раньше пускали, – вздохнула Молька. – Но я была очень маленькая и ничего не помню.

– Хм... дело в том, что я тоже ничего не помню. А почему меня пускали?

– Ты относилa заказы. Ты рассказывала, что тебя однажды пригласил даже эрцгерцог, и ты сделала для него артефакт хорошего сна.

«Сдаётся мне, в бытность свою Вельтой я любила приврать», – подумала я, пряча за пазуху комочек бумаги с изображением ключа, который незаметно подобрала на полу, когда «искала» ручку.

Глава 10

Рынок пел и плясал – точь-в-точь как в присказке про свадьбу. Посреди рыночной площади выступали лицедеи. Актеры в масках изображали привычки знати, во всю над ней издеваясь. Их никто не трогал, и я решила, что в Сером городе знать не любят даже стражи. Кстати, парочка таковых с удовольствием наблюдали за шоу в сторонке.

Богатой госпоже служанка подавала вареное яйцо на подносе и никак не могла ей угодить: яйцо было то слишком твердым, то слишком жидким. В конце концов, служанка разбила его о нос госпожи, сделанный из папье-маше. Публика пришла в восторг и принялась кидать на сцену медные монеты.

На мой взгляд, получилось довольно смешно. Правда, у меня возникло подозрение, что роль служанки исполнял парень, молодой и гибкий.

А вот госпожу точно играла девушка. Или она так хорошо знала ужимки знати, или сама получила воспитание, потому как в конце пьесы сняла маску с хорошенького юного личика и принялась мастерски играть на старом разбитом клавесине, невесть как попавшем в реквизит труппы. Актеры вышли на сцену и начали танцевать, тоже неплохо, на мой привередливый взгляд.

Из-за Мольки пришлось задержаться у подмостков. Мелкая не могла оторваться от представления. Глаза ее жадно следили за актерами.

– Я тоже так смогу, – прошептала она, когда живая пьеса сменилась кукольной.

На сцене заплясали Пьеро и Арлекин. Злобный носатый горбун принялся гонять их палками, но куклы укорачивались и дразнили разодетого в пышные наряды ворчуна. К моему удивлению, куклами Молька не заинтересовалась. Наверное, такие представления исполнялись на рыночной площади чаще, чем пьесы. Мелкую не удивляло, что марионетки пляшут на сцене без кукловодов и даже без малейших признаков нитей.

– Магия, – равнодушно махнула рукой Молька, утягивая меня в продовольственные ряды.

Мне объяснили, что кукол изготавливает Гильдия фантошей – та же, что выпускает «живых» манекенов и поющие статуи для садов и украшения домов.

– Они страшные, – поежилась Молька.

– Фантоши?

– Да. Я их не люблю. Я люблю настоящих куколок, обычных. Магические куклы жуткие. Фантоши похожи на настоящих людей. А еще говорят, существуют маги, у которых есть двойники – такие же, как они, одно лицо, но куклы. Маги выпускают этих кукол, чтобы те для них шпионили. Магических фантошей нельзя убить, они же неживые.

– Жуть, – согласилась я.

– Одной девочке в нашей школе папа подарил дорогую магическую куклу. Она была такая хорошенькая: в кружевном платье, с настоящими волосами, почти с меня ростом. Только характер у нее оказался – ужас! Кукла никого не слушалась, дразнилась, отбирала у Лиззи сладости и прятала их в своем платье.

– Зачем? – удивилась я. – Ведь она не могла их есть.

– Из вредности, – объяснила Молька. – Лиззи плакала, но кукла только смеялась. В конце концов, она так всем надоела, что папа Лиззи отнес ее магам и те отключили магию оживления. Теперь кукла просто лежит в колясочке. Играть с ней можно – переодевать, водить за руку, укладывать спать, – только она больше не вредничает, – вздохнула Молька, а потом добавила уже немного злорадно, покачав коробку с куклой в руках: – Моя куколка Мари – самая настоящая. Днем она будет нападать на другие пиратские корабли, грабить их и отдавать деньги бедным людям. А ночью она будет меняться: становиться красивой фравой, ходить на балы, и

кавалеры будут в нее влюбляться. И все, кто влюбится, станут рассказывать ей о своих планах: всякое о том, куда они повезут золото, красивые наряды, специи. А она их будет грабить на их кораблях.

Последнюю фразу Молька проговорила... зловеще. И где она такого наслушалась?

Интересное рассуждение. Дети в нашем мире мечтают о личных роботах, а здесь этим явно наелись. Магический интеллект, искусственный интеллект – суть одна: человека ничто не повторит.

– Очень кровожадно, но предприимчиво, – одобрила я идею. – Тогда нужно сшить для Мари бальное платье.

– Точно! – подпрыгнула от радости Молька.

Я забыла о куклах и фантошах, когда оказалась у прилавков с едой. Чего здесь только не было! Но Молька потянула меня в сторону, не дав как следует разглядеть товары.

– Сначала нужно разменять деньги, – деловито предупредила она. – Целый золотой у нас не примут, сдачи не найдут. Вон там стоит тетушка Кёних. Разменяй у нее монету.

Я вспомнила эту пожилую фраву. Мы встречали ее по пути в трактир. И меня уже не удивило, что каждое свое движение разменщица сопровождала ворчанием.

– Еще один золотой. Как будто я напасусь на всех меди.

– Разменяйте серебром, – предложила я.

– Как будто я напасусь на всех серебра. И все только и норовят стащить чего-нибудь из корзинки тетушки Кёних. Как бы не защищала меня моя гильдия, давно бы ограбили и убили в подворотне.

Я внимательно прислушивалась. Разменяв золотой, обратилась за разъяснениями к мелкой.

– Гильдия – это как эгрегор? – спросила я.

Для Мольки вопрос оказался очень сложным. Она задумалась, не забывая крепко держать свою куклу-пиратку, но ответила неуверенно:

– Наверное, да. Только в гильдию принять могут кого угодно. Главное – хорошо трудиться и никого не обманывать. Тогда она будет защищать всех своих работников... и магией тоже. Матушка Кёних, к примеру, может свободно ходить где угодно с мешочком денег.

– И никто не может ее ограбить? Вот это да!

– Никто. Если не хочет получить проклятие.

– А может какой-нибудь сильный маг преодолеть защиту?

– Может, – подумав, признал ребенок. – Но зачем магам воровать у разменщицы? – Молька пожала плечами. – Маги и так богатые.

– А я состою в Гильдии артефакторов?

– Состояла, – Молька шмыгнула носом. – Сначала. А потом перестала платить... эти...

– Взносы?

– Ага.

– Выгнали, значит, – кивнула я.

Вместо ответа мелкая в очередной раз горестно вздохнула.

Что и следовало ожидать. Вельта и на еду ребенку жадничала, что уж говорить о разных там магических профсоюзах. Но это мысль, кстати. Если гильдия – это прежде всего защита и покровительство, деньги на такое жалеть не нужно.

Рынок гудел, переливался красками и запахами, и у меня разбежались глаза. Слева возвышались горы румяных яблок – желтых, зеленых, красных, с бочками, подкрашенными солнцем. Дальше тянулись ряды с пережившими зиму оранжевыми тыквами, брюквой, репой и связками лука, сплетенными в косы. Пахло свежей зеленью, медом и пряностями, отчего в желудке заурчало.

На грубых деревянных ящиках, присыпанных соломой, лежала яркая морковь. Свекла – темно-бордовая, в земляных разводах – тоже привлекла мой взгляд. А рядом с ними были разложены продолговатые клубни с розовато-коричневой шкуркой.

Батат. Сладковат, но я и не собиралась превращать диету во что-то невыполнимое и невкусное. «Съел углеводов, и ты проклят навеки», – это не для меня. В батате много клетчатки и витаминов, он не вызывает скачков сахара. К тому же на рынке я ни разу не увидела нормального картофеля, только сморщенный и с явными признаками переморозки.

Я положила в корзинку вилок капусты, морковь, четверть среднего размера тыквы, мешочек красной фасоли примерно на килограмм (по-здешнему – два пфунда) и пять крупных корнеплодов батата. Еще прикупила молодой зелени, петрушки и укропа, а также местной пряной травы, по вкусу одновременно похожей на черемшу и спаржу.

Далее в корзинку отправилась бутылка молока (ребенку нужен кальций), небольшая бутылочка сливок (эх, раздобыть бы кофе, но вряд ли его пьют в Сером городе), четверть пфунда (чуть больше ста граммов) развесного чая, полпфунда сахару для Мольки, кусочек живых дрожжей и несколько крошечных бумажных пакетиков со специями: черным перцем горошком, сушеными красными перчиками и кориандром. Спросив цену корицы, к остальным пряностям не решилась даже прицениться.

Дело оставалось за малым – найти приличный кусок мяса. Молька повела меня на другую сторону рынка. Мясом торговали под огромным навесом. Мелкая объяснила, что в навес встроены артефакты холода. Выяснилось, что когда-то я сама, вернее Вельта Брандт, поставляла на рынок свои охлаждающие артефакты.

Мне стало интересно: сколько таких артефактов потребуется для работы мясных рядов в жару? Наверное, очень много. Мясо было дорогим, даже в пересчете на цены моего мира. Однако если холод в рядах обеспечивался самими торговцами, то такая накрутка была понятна.

И пахло под навесом правильно: парным мясом, не тухлятиной или уксусом, которым нерадивые хозяева пытаются не только сохранить продукт, но и выдать его за свежак.

Я купила длинный кусок свиных ребрышек. Свинина – это не только ценная щетина. Косточки с кромкой мяса пойдут на суп, прослойка сала по низу – на жарку. Если холодильный артефакт не выдержит, часть мяса я засолю. Даже шкурка пойдет в дело, тем более что здесь она продавалась хорошо вычищенной, просмоленной.

Кстати, о соли. В одном из рядов я купила обычную белую соль и мешочек розовой озерной, добываемой в соленых водоемах неподалеку от города. Там же приобрела пучок травы от «полнокровия» и мешочек семян от мигрени.

Мы уже собрались переходить из продовольственных рядов в хозяйственные, когда я заметила кое-что, что меня не порадовало.

У грязной кирпичной стены, прислонившись к ней спиной, напротив ряда с вениками, метлами и ведрами сидела попрошайка. На ней была темная балахонистая одежда: драное платье и поеденная молью шаль.

На руках она держала ребенка. Девочку, судя по такому же драному платьицу. Лет двух, не больше.

– Подайте на пропитание малютке! – визгливо выкрикивала женщина. – Деточка третий день не ела! Кто добрый человек, тот пожалеет сироту! Прошу-то всего пару медяков.

Голова ребенка была завёрнута в грубую мешковину. Грязные лохмотья висели на худеньком тельце. Ножки, торчащие из тряпья, были голыми и очень белыми – что сильно контрастировало с цветом кожи «матери», смугловатым.

Разумеется, я понимала, какая сцена передо мной разворачивается. Ребенка чем-то накачали, чтобы он спокойно себя вел. В прошлом не раз видела таких вот «страдалиц» с больными детьми на вокзалах. Знаю, что отобранные у них малыши сдавались в аренду, а после того, как их отбирали, им приходилось проходить долгую реабилитацию.

Прохожие шли мимо. Женщина продолжала выкрикивать, то жалостливо, то со злобой. А потом она оглянулась по сторонам. Убедившись, что никто не смотрит, резко, с силой шлепнула ребенка по тощему задку.

Малышка устало заплакала.

– Подайте малютке, кто сколько может! – снова затынула женщина. – Болезная она у меня, ох, болезная... смотрите, как плачет жалостливо.

Попрошайке снова стали подавать. Меня передернуло. Но с места я не сдвинулась. Встретила цепкий взгляд мошенницы – и не отвела свой.

Женщина осеклась на полуслове и начала приподниматься.

– Молька, – тихо сказала я. – Встань тут у прилавка. Стой тут. Никуда не отходи. Следи за корзинкой.

– Хорошо, – испуганно пискнула мелкая.

– Присмотрите за девочкой, – обратилась я к добродушной на вид тетушке, торгующей мылом и какими-то порошками. Та кивнула.

Я оставила рядом с ней наши покупки. Молька что-то пробормотала, но я уже не слушала.

Все оказалось тяжелее, чем я думала. Тело Вельты не было приспособлено для долгих пробежек. И для недолгих – тоже. Сердце колотилось, бока ныли, но я бежала, не сводя глаз с серой юбки, мелькавшей между грязными стенами.

Женщина рванула в переулок, прижимая ребенка к груди. Белые ножки девочки беспомощно болтались в воздухе. Она бежала быстро, но с ребенком на руках далеко не уйдешь. Удивительно, но я настигла ее в переулке, когда драная мадам сбилась с дыхания и начала сбавлять шаг.

– Стой! – крикнула я. – Отдай ребенка. Если отдашь сама, я не стану говорить стражам, просто отнесу им девочку. Это ведь не твой ребенок, ты его у кого-то берешь за плату. Это нарушение закона.

Попрошайка остановилась и развернулась, впившись в меня злобным взглядом. Дышала она тяжело, с присвистом. Еще один пример того, что нетренированное тело предаст в самый ответственный момент.

Затем женщина опустила девочку на землю. Та послушно легла прямо на грязную мостовую, поджала ноги и привычно замерла. А попрошайка оскалилась, продемонстрировав два ряда гнилых зубов, и быстрым движением вытащила из-за пазухи нож.

– Не подходи, – прошипела она, целясь мне в живот. – Я тебя порежу. И ее порежу. Иди своей дорогой, жирная корова. Не твое дело, чей это ребенок. Не знаешь, с кем связалась. Я на таких людей работаю, что лучше тебе не знать.

Ну вот, сподобилась. Обозвали жирной коровой. Точь-в-точь, как я – Ангелину.

Я не шелохнулась, только крепче уперлась в землю ногами-тумбами. Попрошайка разразилась длинной бранной тирадой, угрожая расправой от имени своих покровителей.

«Во что ты влезла, Валентина? – подумала я. – Годы идут, а ты не меняешься. Все ищешь справедливости. И куда тебе, щуплой старушке, противостоять организованной преступности в магическом мире?»

Так, стоп. Я вовсе не старушка и совсем не щуплая. Главное – просчитать страте...

Времени на планирование мне никто не дал. Драная мадам рванулась вперед, целясь ножом мне в бок. Но тело Вельты среагировало само. Рука перехватила запястье попрошайки, и я выкрутила нож из ее пальцев. Злобная фрава взвизгнула – вероятно, больше от неожиданности, чем от боли. Хотя и от боли тоже. Как-то сил я немного не рассчитала. Да и не собиралась рассчитывать.

Лезвие выпавшего ножа звякнуло о булыжники.

Второй рукой я ухватила женщину за воротник и встряхнула так, что остатки зубов у той явственно клацнули. Попрошайка заорала, впилась когтями в руку, но я почти не чувствовала боли.

Просто отвесила ей подзатыльник.

Женщина затихла. Голова мотнулась, и она повисла в моих руках, как тряпичная кукла. «Переборщила», – мелькнуло в голове.

Но нет. Мадам дышала. Просто отключилась. Ну... что поделать. У моего нынешнего образа руки оказались тяжелы. Я осторожно опустила бессознательное тело на землю. Полежи пока. Дай подумать, что делать дальше.

Девочка лежала на мостовой и смотрела на меня. Молча. Черты лица у нее оказались... странными. Было в них что-то... как у Мольки: явно нечеловеческое, но невероятно гармоничное.

А потом с ее головы сполз грязный платок. Под ним оказались белокурые кудрявые волосики – тонкие, почти прозрачные на солнце. И острые, вытянутые ушки. Совсем как у эльфов из тех романов, что я читала в другой жизни.

– Все хорошо, – сказала я осипшим голосом. – Все хорошо, маленькая. Не бойся.

Теперь уж точно стало понятно, что матью этого чуда смуглая вертлявая баба вряд ли была.

И только сейчас я осознала, что натворила.

Применила грубую силу к некой мадам, находящейся под покровительством преступных сил. Мало того что на меня могут подать в суд – или как тут принято, обратиться к стражам с обвинениями в применении побоев и незаконном преследовании, – так еще и придется доказывать, что ребенок использовался как средство для незаконного обогащения.

Доказательств у меня нет. Эта грязная баба просто заявит, что присела отдохнуть у стеночки, а на нее внезапно напали. А ребенка она сама вела, стражам: подобрала на улице потерявшуюся деточку и решила доставить куда следует.

– Ложки-матрешки! – охнула я. – Что нам теперь делать?

Длинноухий ребенок засунул в рот большой палец и принялся сосредоточенно его сосать. Подсказчик из него был так себе.

«Ничего, – постаралась приободриться я. – Не в первый раз в такую ситуацию попадаю». В своей прошлой жизни мне не раз приходилось отбивать детей от их лишенных родительских прав мам и пап – те пытались выкрасть отпрысков из пионерского лагеря.

Я наклонилась и подняла ребенка на руки. Малышка почти ничего не весила – кожа да кости. Вероятно, ей было намного больше, чем два года. Девочка доверчиво ко мне прижалась.

– Все будет хорошо, – заверила я ее, хотя сама в этом сильно сомневалась.

Впрочем, костями лягу, но заставлю опеку – какой бы она тут ни была – отобрать ребенка у псевдоматери.

Возможно, я повела глазами вправо и влево. Или подключение было плановым, но интерфейс эгрегора вдруг ожил, сообщив, что очередное сопряжение не состоялось. Тем не менее загорелась надпись:

До разрыва души и тела осталось: 10 дней 8 часов 31 минута.

Спасибо, что напомнили.

Однако строка ниже гласила:

Задача: устранение конфликта души и тела.

Прогресс: +16% – общественно полезный поступок; +5% – установление социальных связей (аванс)

До устранения конфликта: 50%.

Ура! Не зря собой рисковала. А за что подкинули бонус по социалке? Я ведь после гарпия ни с кем особо не общала

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.